

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 5

Редакторъ-Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной стихіи исчезъ и обновился міръ.

Греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ.

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе.

Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ.

Клянусь вамъ моею честью, что я ни за что не согласился бы ни переименовать родину, ни имѣть другую исторію. чѣмъ исторія нашихъ предковъ, какую намъ послалъ Господь.

Пушкинъ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 5

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

1 9 2 8

О Г Е Р О Ъ.

*Свѣтлой героической памяти
Петра Николаевича Вранеля.*

Мы знаемъ, мы хорошо знаемъ, что нужно нашей Родинѣ. Россіи нуженъ *герой*, за которымъ радостно пойдутъ всѣ сильные, всѣ благородные и вѣрные; пойдутъ служить, спасать и строить, забывая о себѣ и памятуя только о всенародномъ дѣлѣ. Россіи нуженъ могучій человекъ, *рожденный для властвованія*; зоркій, какъ орелъ; благородный, какъ совѣсть; свободный, какъ вдохновеніе. Вождь, призванный къ единоначалію, способный къ непререкаемому велѣнію; съ государственной мудростью и гениальною шпагою. Въ этомъ исходъ: это необходимая и драгоценная *форма* всероссійскаго спасенія и возрожденія; и доколѣ она не создается и мы не будемъ готовы влиться въ нее, — дотолѣ будетъ тянуться партійная суетня, то злодѣйская до неистовости, то безвольная до преступности.

Напрасно думать, что время героевъ и героизма прошло безвозвратно; оно не прошло и не пройдетъ никогда. Не истощились и не истощатся силы Божественной благодати, посылающей людямъ свои дары мѣрою щедрою, но неравною; и пока длится человѣческая исторія, до тѣхъ поръ силою вещей будутъ выдвигаться великіе люди, отмѣченные духовными дарами и энергіей, и призванные нести общее бремя. Такъ всегда было, такъ всегда и будетъ; и въ этомъ законы исторіи неизмѣнны и непреходящи.

Люди неравны отъ природы: имъ дается не одинаковая *воля* и не одинаковая *прозорливость*. Безсмысленно и гибельно — подчинять волевого безвольному; нелѣпо и вредно — давать имъ въ жизни одинаковый вѣсь. Сужденія близорукаго и прозорливаго неравноцѣнны; и нельзя требовать отъ зрячаго, чтобы онъ шелъ за слѣпцомъ. Нелѣпо думать, что слѣпцы сумѣютъ найти прозорливаго, «выбрать» его и подчиниться ему: не найдутъ — ибо слѣпецъ совсѣмъ и не

знать, что такое прозорливость и не вѣрить въ нее; а если случайно найдуть, то замучаютъ или растерзаютъ его изъ зависти и злобы. Люди неравны отъ природы; и это неравенство *обязываетъ болѣе сильныхъ и болѣе зоркихъ къ отвѣтственнымъ выводамъ, рѣшеніямъ и поступкамъ.*

Но люди неравны не только отъ природы: они отличаются другъ отъ друга по своему *правственному уровню* и по своимъ *цѣлямъ*. Не можетъ трусъ вести храброго; не можетъ совѣстный подчиняться безсовѣстному; бѣда, если подлецы поработятъ благородныхъ; но вести призванъ тотъ, *у кого личная страсть насыщена всенароднымъ дѣломъ.* Безмысленно ожидать, что трусы и жадные сумѣютъ и захотятъ выдвигать доблестныхъ; напротивъ, они всегда будутъ готовить имъ гибель — клеветою, интригою и предательствомъ. И это возлагаетъ совершенно опредѣленныя *обязанности* на всѣхъ болѣе честныхъ и вѣрныхъ родинѣ.

Героическій вождь всегда дается народу свыше. Онъ является «всегда точно молнія съ неба» (Карлейль). Но для свершенія своего дѣла, онъ долженъ быть еще *узнанъ, принятъ и возведенъ.* И вотъ, если что-нибудь оскудѣло въ человѣческой исторіи, то не таинственная и благодатная сила природы, дарующая народу героя и вождя, а способность толпы узнавать величіе чужой души, и готовность негероевъ радостно подчиняться герою. Современный человѣкъ толпы развѣиваетъ и растрчиваетъ лучшія силы своей души: вѣру въ Бога, инстинктъ національнаго самосохраненія, вкусъ къ духовному качеству, чувство своей личной ограниченности. Онъ самоувѣренъ и притязателенъ; онъ плоскодумъ; онъ вѣрить въ химеру равенства; онъ убѣжденъ, что количество выше качества. Даръ Божіею милостью не трогаетъ его пошлой души; повиновеніе «лицу» кажется ему униженіемъ; онъ предпочитаетъ льстеца вождю; и самую рабскую изъ своихъ чертъ — неспособность преклониться передъ чужимъ духовнымъ величіемъ — онъ принимаетъ за «чувство внутренней свободы». Онъ идетъ мимо героя и не видитъ его; а если узнать о немъ, то встрѣчаетъ его хулою и злобою. Душа его опустошена и безплодна; и потому она корыстна и продажна. И всеобщее голосованіе ведетъ лишь къ сложенію двусмысленныхъ нулей.

Герой — не Богъ, а человѣкъ. Правда, онъ силенъ сверхчеловѣчески; но онъ не всемогущъ; и дѣйствіе его подчинено

законамъ природы, общества и исторіи. И если его народъ одержимъ бѣсомъ глухимъ и нѣмымъ; и если окружающая его «общественность» болѣетъ празднымъ честолюбіемъ и жалкимъ, демократическимъ самомиѣніемъ, — то самыя великія и вдохновенныя напряженія его не дадутъ плода, и лишь превратятъ его жизнь въ муку и скорбь. Народъ долженъ *принять* героя; его зовущій голосъ долженъ быть услышанъ, понятъ и почувствованъ. Воля героя, — какъ нѣкая горящая купина: но горѣніе ея должно передаться другимъ и охватить всѣхъ. Прозорливость его безошибочна и спасительна; но она нуждается въ довѣрїи и повиновенїи. Дѣла его — подобны его совѣсти; но они нуждаются не въ инсинуаціи и не въ клеветѣ . . .

Въ человѣческихъ дѣлахъ есть таинственная сила — *личной вѣры* въ вождя и *личной любви* къ нему. Не всякій, въ кого люди вѣрятъ, силенъ; и не всякая любовь вдохновляетъ того, къ кому она направлена. Но человѣку съ сильной и ведущей волей необходимо личное довѣріе для того, чтобы онъ могъ развернуть всѣ сокровища и всѣ возможности своего духа. Оно необходимо ему не столько для того, чтобы укрѣпить его вѣру въ его собственныя силы — ибо у призваннаго вождя эта вѣра бываетъ почти всегда на уровнѣ его реальныхъ, великихъ силъ; — сколько для того, чтобы душа его почувала весь раскрывшійся ей необъятный просторъ общественнаго созиданія и отвѣтила на это всею полнотою доступнаго ей напряженія. Довѣріе заряжаетъ волю вождя; повиновеніе — несетъ ее къ побѣдѣ. Довѣріе и повиновеніе превращаютъ его въ живой, творческой центръ страны; они какъ бы удесятеряютъ его силы и извлекаютъ изъ его воли лучи неизмѣримого напряженія и неописуемой значительности. А вырастающая изъ этого *личная любовь* къ вождю даетъ ему ту творческую увѣренность, то удовлетворенное равновѣсіе, которое необходимо ему для того, чтобы окрылилось и углубилось его вдохновеніе.

Въ этомъ таинственномъ процессѣ духовнаго заряда и разряда, вождь, — кто бы онъ ни былъ: полководецъ, правитель или монархъ, — срастается со своею страной въ *великое и вдохновенное единство*; и единеніе это оказывается тѣмъ болѣе жизненнымъ и плодотворнымъ, чѣмъ болѣе *искренняго довѣрїя и волевой преданности* вождь встрѣчаетъ на своемъ

пути. Напрасно люди разсудочные, слѣпые и завистливые пытаются противопоставлять вождя народу и увѣряютъ, будто его власть покоится на «узурпаціи», будто онъ «деспотъ» и «тирань». Петръ Великій не противостоялъ Россіи, а посылъ ее въ себѣ и несъ на своихъ плечахъ ея историческое бремя; и лучшіе русскіе люди его времени, служившіе *ему* за совѣсть, были не «его холопами», а подлинными слугами и строителями *Россіи*. Армія, обожавшая Суворова и всегда безтрепетно ходившая съ нимъ на смерть — состояла не изъ униженныхъ рабовъ, а изъ русскихъ людей, *возвысившихся* до волевой преданности Родинѣ и ея геніальному полководцу. И русскую культуру творили не подпольные убійцы Царя Освободителя, «отвергавшіе» «личное начало» и подготовлявшіе *революціонную диктатуру*, а тѣ мудрые и преданные слуги Россіи, которые умѣли служить Родинѣ служа Царю, и которые дали міру реальное и вѣчное доказательство того, что *единовластіе — не врагъ культурной свободы*.

Преклоненіе передъ благородной и сильной волею героя и вождя — *не унижаетъ душу, а возвышаетъ ее*. Унизительно пресмыканіе, а не довѣріе; позорна лесть, а не преданность; отвратительна интрига, а не прямое и честное служеніе. Но прямое и честное служеніе совѣмъ не требуетъ ни слѣпоты, ни тупой покорности, ни отказа отъ внутренней, духовной свободы; напротивъ: ведущій ждетъ отъ ведомыхъ *разума и совѣта; честной идейности и мужественной правды; служенія за совѣсть*, а не безсовѣстнаго и раболѣпнаго прислуживанія. Истинный вождь есть мастеръ и *художникъ власти*; онъ не покушается ни на чью внутреннюю свободу, но только полагаетъ конецъ честолюбивой болтовнѣ и ненасытному партійному и личному интриганству. Свобода не въ политическомъ разнузданіи, а въ вѣрности своимъ убѣжденіямъ; и не въ отсутствіи подчиненія и обязанностей, а въ незыблемости личныхъ правъ. И рабъ не тотъ, кто умѣетъ служить за совѣсть и повиноваться съ достоинствомъ, но тотъ, кто при словѣ «вождь» уже яростно трясетъ воображаемыми цѣпами, и въ комъ *геройство Божіей милостью* вызываетъ лишь зависть и злобу . . .

Герой нуженъ Россіи: *вѣрный Ей художникъ власти!* Человѣкъ, который не колеблется, не приспособляется и не бѣжитъ навстрѣчу событіямъ; но заранѣе, издалека предвидитъ

эти событія и лѣпить изъ нихъ свое будущее служеніе. И власть идетъ къ нему сама, какъ музыка къ вдохновенному музыканту, какъ стихи къ великому поэту. Россіи нуженъ *могучій слуга*, который призванъ *служить властью*; который видитъ зракомъ орлинымъ и ведетъ дланью мощною и безтрепетною; который самъ горитъ и потому другихъ зажигаетъ; въ которомъ живетъ паѳосъ государственной прозы и національная идея, способная овладѣть нашей исторической трагедіей.

Такой человѣкъ необходимъ Россіи и онъ будетъ ей данъ: если не теперь, то позднѣе. А намъ, въ ожиданіи его и въ предвидѣніи его, намъ надлежитъ готовить свою *зоркость* и свою *совѣсть* для того, чтобы распознать его и встать вокругъ него несокрушимою, вѣрною стѣною. Ибо «одно изъ двухъ: или мы научимся узнавать истинныхъ героевъ и вождей, взирая на нихъ; или же нами неизмѣнно и навѣки будутъ управлять пегеройскіе люди» (Карлейль)... тѣ самые, которые для истиннаго героя имѣютъ одну хулу.

Да не будетъ этого въ нашей Россіи!

Редакторъ.

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

3. Преподобный Сергій Радонежскій.

Русская вѣра и Русская Церковь слили въ «православное христіанство», какъ *единый русскій народъ*, всѣ, раздѣлившіяся по княжествамъ и землямъ-народоправствамъ, части восточно-славянскаго населенія великой русской равнины. Эта же вѣра и эта же церковь дали и идеальную основу единому русскому *національному государству*, которое ковалось князьями и царями Московскими и которое вылилось въ величайшее политическое явленіе всего славянскаго міра, получившее имя «*Россія*».

Какое же значеніе въ дѣлѣ созданія національной Россіи, или, лучше сказать, русской національной стихіи, имѣлъ *русскій монастырь*? — Русскія обители были не только колонизаторами пустыхъ земель, какъ монастыри цистерційцевъ въ Центральной Европѣ, но и очагами, взрастившими русскую народность.

Временемъ развитія русскаго отшельничества была особенно эпоха татарскаго ига. Въ эту эпоху на Руси основалось около 180-ти монастырей. Плѣненіе Русской Земли «языкомъ, не знающимъ Бога», совершилось, и отвѣтомъ народа на укрѣпленіе «безбожной», «агарянской» власти было прежде всего развитіе религіознаго чувства и ростъ преданности православію, вѣрѣ отцовъ, соединявшей всѣ новыя и старыя поколѣнія русскія, живущія и умершія, въ единой *Русской Православной Церкви*, которой «врата адова не одолѣютъ», какъ твердо помнилъ русскій человѣкъ.

Для защиты нашей вѣры, бывшей и основой и хранилищемъ нашей народности, русскій народъ долженъ былъ создать себѣ рядъ оплотовъ. Въ нихъ и около нихъ должны были сохраняться и возрастать сокровища его вѣры и народности. На нихъ оцѣ обопрется подъ игомъ власти, чуждой Святой Руси, и съ помощью этой опоры переживетъ непосланная ему тяжелыя испытанія. Такими оплотами и были тѣ безъ малаго двѣ сотни монастырей, которые возникли въ вѣка татар-

скаго ига. А въ ихъ ряду первое мѣсто занимаетъ Свято-Троицкая обитель, основанная преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ.

Это мѣсто она занимаетъ не только по своему громадному значенію для тѣхъ сторонъ жизни, которыя поддаются конкретному и осязательному изученію историка, т. е. для общей исторіи Россіи, для исторіи монашества, просвѣщенія, православной вѣры и Русской Церкви. Не меньше ея значеніе и для тѣхъ глубинъ народной жизни, которыя такъ мало доступны фактическому изученію, — для переживаній души въ дни безпредѣльно-безысходной скорби и бьющей бурнымъ ключомъ радости, въ години счастья и горя-злосчастья, которыя переживали въ ея стѣнахъ и подъ ея свѣтлою мнogie миллионы русскихъ людей съ середины XIV-го до первыхъ десятилѣтій XX-го вѣка, всѣхъ сословій и состояній, отъ нищаго до величайшаго богача, отъ русскаго страдника до русскаго царя. Всѣ они несли въ эту обитель свое горе и свою радость. Всѣ они пролили свои слезы тоски и счастья въ старомъ Троицкомъ соборѣ у раки преп. Сергія. Всѣ они шли туда съ надеждою и вѣрою, моля о помощи, и съ теплою благодарностью за нее, молясь за себя и близкихъ, или за всю свою Родину, за общую и единую для нихъ всѣхъ, ставшую великою, созданную тяжкимъ трудомъ и талантомъ поколѣній русскаго народа, Россію.

Кто же былъ основателемъ Троицкой обители? — Къ счастью, о немъ наши источники сохранили достаточно полныя и достовѣрныя данныя, позволяющія историку совершенно отчетливо обрисовать его личность. Эти данныя не только въ отрывочныхъ извѣстіяхъ лѣтописи, но и въ цѣломъ обширномъ жизнеописаніи его, составленномъ его современникомъ и собесѣдователемъ, инокомъ Троицкаго монастыря Епифаніемъ Премудрымъ, написавшимъ также и «похвальное слово» преподобному Сергію. И, что особенно важно, это жизнеописаніе, передѣланное позднѣе, дошло до насъ не только въ передѣлкахъ, но и въ своемъ первоначальномъ видѣ. Этого мало. Сохранился и рядъ предметовъ, которыми постоянно пользовался преп. Сергій во время своей жизни: богослужебные сосуды и облаченія, его келейныя иконы - «моленья», служебникъ, съ которымъ въ рукахъ онъ совершалъ богослуженія, и другіе предметы.

Родился преп. Сергій около 1314 года, въ имѣніи своего отца, боярина Ростовскаго княжества. Вареоломей, какъ звали преп. Сергія въ міру, вмѣстѣ съ двумя своими братьями, старшимъ Стефаномъ и младшимъ Петромъ, провелъ свое дѣтство въ самой теплой домашней обстановкѣ, которую создали въ своей семьѣ его родители, Кириллъ и Марія, люди «благородные, благовѣрные и благочестивые», какъ ихъ характеризуетъ жизнеописаніе. Семья живетъ въ полномъ довольствѣ. Сыновья были научены грамотѣ и «книжному почитанію». Съ ранняго отрочества Вареоломей позналъ сладость молитвы, полюбилъ ее и нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ «со слезами молящеся Богу». Когда ему было около пятнадцати лѣтъ, надъ бояриномъ Кирилломъ разразилась бѣда. Новая власть, власть Ивана Калиты, подъ которую попалъ Ростовъ, столкнулась съ ростовскимъ боярствомъ. Въ числѣ пострадавшихъ отъ нея былъ и бояринъ Кириллъ. Онъ долженъ былъ покинуть Ростовское княжество и, разоренный, съ семьей, переселился въ Радонежь, удѣлъ Калитина сына Андрея.

Наступило время жизни въ бѣдности и лишеніяхъ для прежде богатой и довольной семьи. Но ея внутренняя семейная теплота отъ этого не исчезла, и семья попрежнему была полна взаимныхъ любви и ласки ея членовъ, помогавшихъ другъ другу нести тяжесть скудной жизни. Оба брата Вареоломея съ годами женились и создали свои собственные семьи. Вареоломей, чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалъ себя не въ силахъ бороться со своимъ стремленіемъ къ отшельничеству. Онъ проситъ родителей отпустить его «во иноческое житіе». Но они отвѣтили: «чадо! пожди мало и потерпи о наю: се бо въ старости, паче же въ скудости и въ болѣзни есмы, и нынѣ нѣсть кому послужити намъ... токмо послужи намъ мало, да егда наю, родителя своя, проводиши до гроба, тогда свою мысль сотвориши; егда насъ гробу предаши и землю погребени, тогда свое хотѣніе исполниши». И Вареоломей «съ радостію» даетъ имъ обѣщаніе не покидать ихъ. Но проходитъ нѣкоторое время, и вотъ отецъ и мать Вареоломея сами постриглись въ монашество въ Хотьковѣ. Свою часть скуднаго послѣ нихъ наслѣдства Вареоломей отдалъ своему женатому брату Петру, а самъ, вмѣстѣ съ успѣвшимъ уже овдовѣть и постричься братомъ Стефаномъ, пошелъ искать «пустыню», гдѣ бы поселиться для постоянной молитвы и иноческаго подвига.

Не такъ скоро они остановились въ выборѣ мѣста для своей жизни въ сплошномъ бору, по которому блуждали. Наконецъ рѣшили поселиться тамъ, гдѣ теперь стоитъ Троицкій Соборъ Лавры — «сотворша молитву, и начаста своима рукама лѣсъ сѣщи. и на раму своєю (т. е. на своихъ плечахъ) бревна изношаше на мѣсто». Сначала устроили себѣ «куцу и хизину». а затѣмъ келью и церквицу. Идутъ въ Москву, къ митрополиту Теогносту, просятъ священниковъ для освященія церкви. Просьба исполнена, и церковь освящена во имя Св. Троицы. Начинается пустынножителство братьевъ. Кругомъ дремучій лѣсъ. «пустыня» подлинная и суровая. На большое разстояние отъ поселенія отшельниковъ нѣтъ никакого жилья. «Отвсюду тѣспота и недостатки, не имущемъ ни откуду ни ястія. ни питія, ни прочихъ, яже на потребу; не бѣ бо приходяща. ни приноса ни откуду, не бѣ бо окрестъ пустыни тоя близъ тогда ни сель, ни дворовъ, ни людей, живущихъ въ нихъ». Стефанъ не выдержалъ тяжести такой жизни и ушелъ на Москву, въ «градской» Богоявленскій монастырь. Варѣоломей остался одинъ «въ пустыни безмолвствовати», «единъ единствовати». Но онъ стремится къ постриженію въ монашество, и ему удалось упросить игумена Митрофана придти къ нему для его совершенія. Иночество принялъ Варѣоломей двадцати трехъ лѣтъ отроду, 7 октября 1337 года, въ день свв. мучениковъ Сергія и Вакха, и получилъ въ немъ то имя Сергія, съ которымъ онъ затѣмъ вошелъ въ составъ русской народной святыхи, какъ одинъ изъ основныхъ ея столповъ.

Два года преп. Сергій проводитъ въ полномъ уединеніи. «единъ живой, безъ всякаго чловѣка». Какъ же онъ проводитъ эти два года? Современный ему жизнеописатель объ этомъ говоритъ: «и кто можетъ сказать труды его, ли кто доволенъ (т. е. въ силахъ) изглаголати подвиги его, како претерпѣ, единъ живой въ пустынѣ?» Кто и какъ можетъ найти выраженія. чтобы ясно и образно описать «того уединеніе, и дерзновеніе, и стенаніе, и прошеніе, и всегдашняя моленія, еже присно къ Богу приношаше; слезы теплыя и плачь душевный, въздыханіе сердечное, бдѣніе повсенощное, ибѣнія трезвенная, молитвы непрестанныя, стояніе несѣдальное, чтеніе прилежное, колѣнопокланяніе частое, алканіе, жаданіе, иже на земли леганіе, нищета духовная, всего скудость, всего недостатки: что ни вспомяни, того нѣсть»

Цѣлыхъ два года преп. Сергій живеть наединѣ со своею «церквицею», среди дремучаго бора. Непогоды осени и суровый, русскій морозъ зимы. Страхъ ночи и одиночество дня. Зовы міра, покинутаго отшельникомъ, вторгающіеся въ молитвенное его настроеніе воспоминаніями пережитаго и призывами къ земному счастью. Пища — вода изъ источника и хлѣбъ, который, надо думать, время отъ времени присылалъ изъ Радонежа преп. Сергію его братъ Петръ. Постоянными посѣтителями преп. Сергія были только звѣри—«мѣсто то было прежде лѣсъ, чаща, пустыни, идѣже живяху зайцы, лисицы, волцы, иногда же и медвѣди посѣщаху». Но «свирѣное устремленіе» ихъ смѣнилось привычкою къ отшельнику и даже дружбою съ нимъ. Самъ гнѣвливыи хозяинъ глухой чащи русскихъ лѣсовъ, медвѣдь, подружился съ отшельникомъ и сталъ ежедневно навѣщать его, лакомясь кускомъ черстваго хлѣба изъ его рукъ.

Два года жизни наединѣ съ Богомъ и самимъ собою. Два года строжайшаго надзора за каждою своею мыслью, за каждымъ своимъ движеніемъ, за каждымъ чувствомъ, за каждымъ настроеніемъ, хотя бы и самымъ мимолетнымъ. Два года неуклоннаго направленія себя цѣликомъ къ одной только цѣли — жизни во Христѣ и подвигу въ Немъ. Руководствомъ преподобному Сергію служили только двѣ, бывшія у него книги—Евангеліе и Псалтырь. Но именно эти книги, во всѣ два безъ малаго тысячелѣтія существованія христіанства и были для христіанина тѣми якорями, которые помогали ему держаться и не тонуть среди волнъ «житейскаго моря, воздвизаемаго напастями и бурею».

«Не можетъ градъ укрыться верху горы стоя» (Матѣ. V. 14). Не могъ скрыться въ своемъ уединеніи и преп. Сергій. Случайный проходъ отдѣльныхъ людей мимо его церкви и кельи познакомилъ ихъ съ нимъ, а черезъ нихъ пошла о немъ и молва. Начинаютъ посѣщать преп. Сергія и иноки. Находятся въ ихъ числѣ желающіе вмѣстѣ съ нимъ жить и подвижничать. Около его кельи строятъ они другія. Кельи обносятся тыномъ, «монастырскою стѣной». Возникаетъ иноческая обитель. Ей необходимъ игуменъ, какъ ея глава, руководитель и священнослужитель. Первымъ игуменомъ былъ приглашенъ тотъ самый Митрофанъ, который совершилъ въ 1337 году постриженіе преп. Сергія. Но черезъ годъ онъ скончался. Бра-

тія стала молити самого преп. Сергія прийняти на себя игуменство. Его отказъ заставилъ перенести дѣло на рѣшеніе митрополита; и правившій временно митрополіей, за ѣздившаго тогда въ Царьградъ св. Алексѣя, епископъ Аѳанасій возложилъ на преп. Сергія игуменство, какъ «послушаніе».

Не сложенъ перечень виѣшнихъ фактовъ жизни преп. Сергія, какъ игумена «обители Святыя Живоначальныя Троицы». Но сколько скрывается внутренней работы и переживаній подъ каждою изъ рубрикъ, въ которыя можно свести эти факты! Сколько содержанія въ простыхъ словахъ «постоянная молитва», и до какой высоты духа и прозрачной чистоты помышленій поднимался въ ней этотъ «отшельникъ, дотолѣ на Руси невиданный!» «Проклять всякъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ». Но до какой высокой ступени святости восходилъ преп. Сергій въ священномъ служеніи передъ алтаремъ! — его жизнеописаніе приводитъ недостижимые для обыкновеннаго человѣка образцы. Какъ много сказано словами жизнеописателя, что преп. Сергій руководилъ братією, «мала же пѣклыми словеса наказая братію, множайшая же паче дѣлеса самъ образъ быване братіи», т. е., что онъ не словами училъ, какъ учать, къ сожалѣнію, многіе руководители и учителя, а своимъ примѣромъ, самъ и былъ тѣмъ, къ чему призывалъ другихъ. Чтѣ же удивительнаго въ томъ, что «подъ крѣпкою рукою его въ повинованіи и въ послушаніи» жить и спасаться стекались все новыя и новыя иноки? Чтѣ же удивительнаго въ томъ, что онъ создалъ «одно сердце и одну душу» въ Троицкой братіи и сдѣлалъ введенное имъ строжайшее общежитіе единственно возможнымъ въ основанной имъ обители? Долгое еще время въ монастырѣ постоянно была нужда и недостатки даже въ пищѣ и одеждѣ — «все худостно, все нищенско, все сиротинско». Съ этимъ борется братія трудомъ, и самъ преподобный Сергій былъ всегда образцомъ и примѣромъ. Просить милостыню было имъ строжайше запрещено.

Но не для одной братіи своей обители трудился преп. Сергій. Міряне текутъ къ нему со своими нуждами, недугами и горями. Для всѣхъ нихъ у него были готовы молитва и духовная помощь, слово утѣшенія и совѣта, ломоть хлѣба и кусокъ холста или крапенины, которые онъ отрывалъ отъ своей нищеты — «бѣ рука его простерта къ требующимъ, яко рѣка многоводна и тиха струями». И потянулся православный людъ къ

Троицкому игумену. Печаль и радость, заботы, надежды и бѣды моря «всенароднаго множества»—потекли черезъ свѣтыя врата Троицкой обители, а съ ними вошли въ нее и нужды слагавшагося національнаго русскаго государства. Князья идутъ туда за совѣтомъ, благословеніемъ и молитвою въ дѣлахъ государственныхъ. Димитрій Донской, выстуая со своею ратью въ походъ на татаръ въ августѣ 1380 года, испрашиваетъ молитвъ и благословенія преп. Сергія и получаетъ не только ихъ, но и двухъ иноковъ въ составъ своего войска, Ослябю и Пересвѣта, геройски погибшихъ на Куликовомъ полѣ и ставшихъ національными героями русскаго народа. Благословляя великаго князя Димитрія въ этотъ походъ, преп. Сергій говорилъ ему: «подобаетъ ти, господине, пещися о врученномъ отъ Бога именитомъ ти стаду; поиди противу безбожныхъ, и, Богу помогающе ти, побѣдиши и здравъ въ свое отечество съ великими похвалами возвратиши».

Къ моменту принятія Димитріемъ отвѣтственнѣйшаго рѣшенія о переходѣ войскомъ Дона для битвы съ татарами явился къ великому князю «борзоходець» Троицкаго игумена съ его посланіемъ, давшимъ Димитрію мужество для этого рѣшенія. Молитвы преп. Сергія и крестные ходы въ Троицкой обители сопровождали Донского и русскія рати во все время похода и въ страшные часы Куликовской битвы, которые игумень провелъ въ напряженнѣйшей молитвѣ. Душою онъ былъ 8-го сентября 1380 года на Куликовомъ полѣ вмѣстѣ съ русскими «православными христіанами» и, по словамъ его жизнеописателя-современника, «вся предсказоваше братіамъ бывшая свѣтъ: побѣду и храбрство великаго князя Дмитрія Ивановича, преславно побѣду показавша на поганыхъ, и отъ нихъ избѣенныхъ сихъ по имени сказа, и приношеніе о нихъ всемилостивому Богу принесе». Съ преподобнымъ же Сергіемъ въ его обители молились Донской и его ратные люди, возвращаясь съ Куликова поля въ Москву, благодаря Бога за побѣду и спасеніе «всей земли Русской». Но не только въ этотъ рѣшительный, поворотный часъ національной исторіи русскаго народа, въ часъ заложенія краеугольнаго камня русскаго національнаго государства, стоялъ преп. Сергій съ благословляющею рукою и святою молитвою за создававшуюся Россію. Онъ же явился примирителемъ удѣльныхъ князей въ ихъ столь губительныхъ для народа ссорахъ и тяжбахъ, предупреждая кро-

вопролитія и налаживая «вождедѣльный миръ» и согласіе, уча обѣ единствѣ русскихъ «православныхъ христіанъ», какъ народа, несмотря на его раздѣленіе по княжествамъ.

Въ исторіи русскаго монашества преп. Сергію принадлежитъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Вѣдь именно онъ былъ создателемъ строгаго общинножитія въ Центральной Россіи. Вѣдь именно онъ положилъ въ ней начало постройки монастырей вдали отъ городовъ, въ которыхъ они до него ютились. Вѣдь именно онъ вынесъ иноческую обитель въ русскую пустыню, т. е. въ безпредѣльный просторъ покрытой лѣсами русской равнины. Вѣдь именно по образцу Троицкаго монастыря создавались тѣ сотни обителей, очаговъ и средоточій «русской вѣры» и русской народности по всему громадному міру сельской и деревенской народной Россіи, которая ее вскормила какъ «Землю Свято-Рускую» и освѣтила своимъ свѣтомъ. Кромѣ Троицкаго самъ преп. Сергіи основалъ еще восемь монастырей, по просьбамъ князей или св. митрополита Алексѣя. Его ученикамъ обязаны своимъ возникновеніемъ цѣлыя десятки обителей. Отъ нихъ пошли новые ряды этихъ хранилицъ русской святости и народности, оплотовъ русскаго «христіанскаго», крестьянскаго міра въ его національной стихіи.

При всемъ томъ, что соединено со святымъ именемъ преп. Сергія для русскаго народа и его національнаго сознанія, кто же, если не онъ, долженъ былъ сдѣлаться самымъ дорогимъ народному сердцу изъ всего собора русскихъ святыхъ, какъ молитвенникъ и хранитель святой Руси во всѣ времена ея существованія, ибо по народному вѣрованію «праведницы и по смерти живи суть?»

Бѣдная, «сиротинская» при своемъ возникновеніи, Троицкая обитель съ годами и столѣтіями выросла въ одинъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ монастырей. Сгорѣвшую черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ кончины преп. Сергія († 25 сентября 1392 года), т. е. въ 1408 году, построенную имъ «церквицу»—замѣнилъ Троицкій Соборъ, стоящій какъ самый чтимый храмъ Лавры, до настоящаго времени. Около него выросъ рядъ другихъ монастырскихъ храмовъ. Дорогіе богослужебные сосуды и облаченія, иконы и паникадила украсили эти храмы. Громадныхъ размѣровъ достигла драгоцѣнная бібліотека монастыря. До крупныхъ предѣловъ богатства дошли и его матеріальныя средства. Деревянный тынъ, которымъ обнесъ преп.

Сергій кельи братіи, уступилъ свое мѣсто крѣпкимъ, каменнымъ, крѣпостнымъ стѣнамъ. Но измѣнившись въ своей вѣщности, Троице-Сергіевъ Монастырь неуклонно продолжалъ дѣлать свое большое православное, народное русское дѣло.

Во все послѣдующее время своей исторіи онъ продолжалъ оставаться святою сѣнью русской народной молитвы. Сотни тысячъ, вѣрище сказать, милліоны нищихъ и убогихъ были имъ согрѣты, накормлены и одѣты. Русская письменность получила изъ состава его иноковъ длинный рядъ своихъ выдающихся представителей. Монастырскія стѣны не разъ служили защитой русскимъ людямъ, укрывавшимся за нихъ, въ дни и мѣсяцы вторженій вражескихъ ратей. Въ годы «Разрухи», охватившей «державу Россійскаго царства» въ началѣ XVII столѣтія, Троице-Сергіева Лавра не только кормила и укрывала спасавшійся за ея стѣны народъ, но отразила толпы польскихъ наѣздниковъ, а затѣмъ призвала русскій народъ на подвигъ борьбы съ поляками и «ворами» для спасенія «превеликаго», «царствующаго града Москвы» съ ея святынями, и для спасенія русскаго народа и его національнаго государства, стоявшихъ на краю гибели. И именно къ преп. Сергію погибавшій тогда русскій народъ напряженно взывалъ о помощи и о ходатайствѣ предъ Богоматерью и Христомъ. Именно его святой и прозрачно чистый образъ «святозарна старца» несся тогда передъ ратными стягами русскихъ людей шедшихъ на спасеніе Москвы и Родины. Съ возгласомъ «Сергіевъ» они и бросились въ кровавую сѣчу, рѣшившую спасеніе Россіи.

Прошли страшныя години черной смуты. «Превеликая Россія» успокоилась, залечила свои раны и сильною поступью вступила на путь своего могучаго развитія въ послѣдующее время. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла и Троице-Сергіева Лавра, въ новое время, съ перенесеніемъ въ ея стѣны *Московской Духовной Академіи*, ставшая и первокласснымъ центромъ русской богословской науки.

Но какъ бы ни развивалась въ дальнѣйшее время созданная преп. Сергіемъ Троицкая обитель, надъ всею ея исторією царить одинъ образъ, образъ ея святого основателя. Почему же это такъ? — Потому что русскій народъ чувствуетъ, если и не всегда ясно опредѣляетъ въ этомъ образѣ нѣчто, что дѣлаетъ его для него особенно дорогимъ и роднымъ. Это нѣчто: самъ прендобный Сергій — свѣча изъ чистаго воска всего лучшаго, что

жило и живетъ въ народѣ, что скончила народная душа и изъ чего она благоговѣнно слила эту свѣчу, какъ свою жертву Богу и свѣтъ для народа, свѣчу горящую чистымъ и ровнымъ свѣтомъ предъ Св. Троицею. Все идеальное, что жило въ народѣ, соединилось въ этомъ драгоценномъ воскѣ: вѣра въ Бога и смиренное служеніе ему во всепоглощающей любви къ Нему, любовь къ Божьему созданію — человѣку, «братолюбіе», «нищелюбіе», забвеніе себя для другихъ, «простота безъ пестроты», «правда» и безпредѣльная вѣрность своему «возлюбленному земному отечеству» — Россіи.

И. И. Лаппо.

ИДЕЯ ОБНОВЛЕННАГО РАЗУМА.

«Прежде всего снимай съ очей ума твоего покровы, содержащiе его въ ослѣпленнiи».

Феофанъ Затворникъ.

«Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безмернымъ ума».

Пушкинъ.

Не разумъ губитъ современное человѣчество, а бездуховность и безвѣрiе. Религiю подточила не наука, а близорукая и самодовольная слѣпота дурной «учености». Не философiя вредна и ядовита, а безотвѣтственность и пошлость мнимыхъ «мудрецовъ».

Разумъ совсѣмъ не враждебенъ вѣрѣ. Наука совсѣмъ не исключаетъ и не «отвергаетъ» религiю. Философiя есть источникъ не соблазна, а *очевидности въ вещахъ божественныхъ*.

Я знаю, что многiе не видятъ этого; что большинство людей совсѣмъ и не думаетъ объ этомъ; что меньшинство, касающееся этого своею мыслью, думаетъ иначе. И тѣмъ не менѣе я утверждаю, что весь смыслъ современнаго духовнаго кризиса, переживаемаго человѣчествомъ, состоитъ въ томъ, что оно *выстрадываетъ себѣ новый укладъ души и духа*; такой укладъ, въ которомъ разумъ вернется къ вѣрѣ и вѣра засияетъ всеми лучами разума; такой укладъ, въ которомъ наука найдетъ свою настоящую почву въ *духовномъ опытѣ*, а религiя, питающаяся и укрѣпляющаяся этотъ духовный опытъ, станетъ условiемъ подлинной учености; такой укладъ, въ которомъ философiя опять найдетъ свой религiозный смыслъ, а молитва опять понесетъ человѣку свои философскiе дары.

Медленно движется время; медленно и трудно слагаются и приносятся свои плоды новые душевно-духовные идеи; слишкомъ много страстей и ожесточенiя, слишкомъ много инерцiи, пассивности и безпомощности въ человѣчествѣ. Но *идея новаго духовнаго уклада* уже свѣтитъ намъ и зоветъ насъ. Его рожденiе и образованiе уже совершается: онъ не ждетъ разрушенiя и гибели стараго уклада. Новый духъ уже крѣпнеть въ страданiяхъ, зрѣетъ въ грозахъ и буряхъ. И отъ насъ, отъ

насть зависить — волею служить ему, волею идти ему навстрѣчу . . .

Современный духовный кризисъ состоитъ въ томъ, что *разумъ отвалилъ отъ вѣры* и пересталъ быть разумомъ, а сталъ плоскимъ *разсудкомъ*. А плоскій разсудокъ прилѣпился къ вещественному, утвердился въ своей отвлеченности, забросилъ свои святыя колодцы и источники, и объявилъ себя верховнымъ, самодовлѣющимъ, единственнымъ *источникомъ истины и культуры*. Этимъ все уже было предопредѣлено; и нужны были только сроки для того, чтобы кризисъ развернулся и бедна зазіяла.

Что видить такой «умъ»? Только то, о чемъ говорятъ ему тѣлесныя глаза и уши, осязаніе и мускульныя ощущенія. Все остальное, чего нельзя ни свѣсить, ни смѣрить — все было «похѣрено». Что осталось? Матерія; безъ жизни, безъ тайны, безъ духа, безъ цѣли, безъ Бога. Матерія и ея слѣпая механика (современное естествознаніе); да еще анализъ «возможнаго» движенія и «возможныхъ» связей «возможныхъ» качествъ и количествъ (современная математика). Здѣсь находили «доказательность», «очевидность» и «истину», — первоисточникъ знанія и обязательный прототипъ науки. И наука стала *безбожной теоріей о богопустынномъ мірѣ*. А самъ человѣкъ оказался *частью* этого богопустыннаго міра; — не только *носителемъ* безбожныхъ теорій, но и безбожно разсматриваемымъ *объектомъ*. Изучая себя и направляя свою жизнь, — онъ погасилъ въ себѣ всѣ божественныя лучи и засыпалъ мусоромъ свои святыя колодцы. Самомнѣніе разсудка утверждало его въ этой безбожности; а безбожность закрѣпляла и раздувала его самомнѣніе. Бѣда увеличивалась еще отъ того, что *теоретическое* отрицаніе тайны и глубины проникало и въ *жизнь*, и практически уводило человѣческія души отъ глубинъ, вело къ оскудѣнію и измельчанію жизни, дѣлало души плоскими и пошлыми *на самоѣ дѣль*. Зловредный фантомъ *безбожной и противорелигіозной науки* — насаждалъ жизненное скудочувствіе и плоскодуміе; а разсудочный плоскодумъ не только утверждался въ «научномъ» безвѣрїи, но становился прямо *воинствующимъ безбожникомъ*.

Такова здѣсь связь явленій: цѣльное и исключительное довѣрїе къ *вещественному опыту* и къ *отвлеченному разсудку* породили уходъ отъ религіи, — сначала *безбожную*, а потомъ

и *противо*-религіозную науку. Восемнадцатый и девятнадцатый вѣка свободно и упорно культивировали *такую* ученость. И надо признать и выговорить прямо, что при наличности и при водительствѣ *такой* науки—вопросъ большевицкой «культуры» и пропаганды былъ лишь вопросомъ *времени*, а вопросъ комсомольскихъ конспунствъ былъ лишь вопросомъ темперамента и приличія. Буйный и грубый атеизмъ современныхъ коммунистовъ, лежащій въ основаніи *всѣхъ* ихъ доктринъ и *всей* ихъ практики. — по существу своему уже содержится иѣликомъ въ атеистическихъ теоріяхъ и сочиненіяхъ двухъ послѣднихъ вѣковъ: нынѣ онъ только доводитъ дѣло до конца и вступаетъ на путь политической воинственности: нынѣ *отличается* то, что тогда только *думалось* и *говорилось*.

Этимъ не исчерпывается однако сущность современного духовнаго кризиса. Правда, разумъ, оторвавшись отъ духовнаго и религіознаго опыта, сталъ *разсудкомъ* и повлекъ челоуѣчество по путямъ теоретическаго безбожія, духовнаго оскуднѣнія и практическаго безстыдства. Но этотъ отрывъ *подорвалъ* и *вѣру*.

Религіозная вѣра, не удержавъ разумъ, упустивъ его — оказалась въ расхожденіи съ нимъ: оказалось, будто вѣра утверждаетъ такое, что «разумъ» отрицаетъ; причеиъ однако «разумъ» спорить, «доказываетъ» и убѣждаетъ, а вѣра только провозглашаетъ и настаиваетъ. «Разумъ» не боится обсужденія и «обоснованія», напротивъ онъ ищетъ «свѣта» — и въ смыслѣ гласности, и въ смыслѣ анализа, и въ смыслѣ «безпристрастія»; тогда какъ вѣра уклоняется отъ споровъ, не имѣетъ доказательствъ и убѣждаетъ только тѣхъ, кто заранѣе уже убѣжденъ, т. е. тѣхъ, кто уже рѣшилъ вопросъ *до* всякихъ разсужденій, кто слѣдовательно держится за «*пред-разсудки*». Вѣра — вѣрить, а не доказываетъ и не обосновываетъ: и никакія длиннѣйшія и тончайшія разсужденія не могутъ породить вѣру; вѣрующій челоуѣкъ не нуждается въ доказательствахъ и не «критикуетъ» своей вѣры; онъ вѣруетъ *ирраціонально*, не только *безъ* «разума», а хотя бы и *противъ* «разума», безъ основаній, слѣпо, всуе; и потому сама вѣра незамѣтно стала приравнивать себя *суе-вѣрїю*. А развѣ суевѣріе «культурно»? И развѣ оно не унижительно? Развѣ это не наивность, не темнота, не отсталость, не варварство? Не... «опіумъ для народа»?...

Долгое время вѣру спасало то, что еи свойственно вѣрить *безъ* доказательствъ и безъ обоснованій. Но рано или поздно «научный прогрессъ» — успѣшно познаваемая закономѣрность матеріи и блестяще-ясная стройность, разсудка — должны были сказать нѣчто убѣдительное и соблазнительное и тому человеку, который хранилъ въ себѣ святыню «ирраціональной» вѣры. И его умъ долженъ былъ признать: и успѣхи позитивной науки (физика, химія, астрономія, геологія), и практическое завоеваніе природы (техника), и «неотразимые» доводы «свободнаго» «разума». Возникало *двѣ истины* — истина религіозная (Богъ, сверхчувственное, благодать, тайна, таинство, чудо) и истина научная (матерія и энергія, чувственное, законъ природы, экспериментъ, состоятельная гипотеза). *Двѣ истины* — несогласныя одна съ другой — «взаимно исключаютъ одна другую» — и все же *объ истины* . . .

Великій расколъ въ человѣческомъ существѣ приносилъ свои плоды: *ткань духа раздиралась отъ верхняго края до нижняго*. Ибо духъ *не въ силахъ* признавать сразу двѣ непримиримыя истины: онъ будетъ или обманывать себя, признавая только одну; или — насиловать себя, до тѣхъ поръ, пока не потеряетъ вообще всякую способность признавать что-нибудь за истину. И *даръ вѣры*, чудный и могучій Божій даръ, *отойдетъ отъ него*.

Не дано человѣческому духу *върять* въ *двѣ* взаимно противорѣчивыя истины. Ибо *вѣра цѣльна* по самому естеству своему; а *истина едина и единственна* по своей сущности. Расколовшаяся вѣра — или соединится и срастется вновь; или совсѣмъ отлетитъ отъ души. Она можетъ вся уйти на сторону науки; она можетъ вся оконаться на сторону религіи. Но она *не можетъ* остаться при двухъ истинахъ, какъ предлагали когда-то Бэконъ, Монтень и Шарронъ.

И вотъ, исторически, она у однихъ уходила вся на сторону науки и становилась *разсудочной убѣжденностью*: эти люди признавали *одну* единственную истину — *безбожную теорію о богопустынномъ мірѣ*; и тѣмъ готовили въ душахъ пути для современнаго воинствующаго безбожія: ибо достаточно было, чтобы эта разсудочная убѣжденность приобрѣла черты прямолинейности, нетерпимости и ожесточенности для того, чтобы вспыхнула стихія большевизма.

У другихъ вѣра уходила вся на сторону религіи и становилась *ирраціональной* (безразумной и противоразумной) *убѣжденностью*: они признавали одну единственную истину и отменяли науку, считая ее дѣломъ празднаго любопытства, черно-книжія, религіознаго бунта и окаянной ереси. Закрывъ глаза, осудивъ естественную, *отъ Бога данную* любознательность чело-вѣка и отвергнувъ изученіе *Божьяго міра, религіозно необходимо для его одухотворенія*, они пытались запретить науку, помѣшать ей росту и расцвѣту, заставить ученыхъ подъ пытку отречься отъ ихъ гипотезъ и открытій. И этимъ они только углубляли расколъ, закрѣпляли злосчастный разрывъ чело-вѣческаго существа и ожесточали разсудокъ: они *побуждали его завершить свою религіозную слѣпоту* и тѣмъ готовили себѣ въ будущемъ воинственнаго и одержимаго врага.

А третьи пытались, — или признавая разсудочную науку, какъ-нибудь не отвергнуть «противонаучную» вѣру; или же соблюдая вѣру, какъ-нибудь не отвергнуть противорелигіозную науку. Ихъ чувство *принимало* невѣрную постановку вопроса (*или* разсудочная наука, *или* противонаучная религія); и искало разрѣшенія то въ безцвѣтныхъ и блѣдныхъ примиреніяхъ, то въ простомъ обывательскомъ совмѣщеніи. Ихъ очевидность не была — ни достаточно религіозно-дерзковенна, чтобы объявить наукѣ смертную борьбу; ни достаточно чувственно-плоска для того, чтобы успокоиться на безбожіи и богопустынности. Она *двоилась* въ ихъ душѣ; и отъ этого *слабла* и *вырождалась*. И тѣмъ подготовляла всѣ разновидности современнаго безразличія, релятивизма («все относительно»), агностицизма («ничего нельзя знать достоверно»), синкретизма (сращеніе разнорѣчиваго) и т. д.

Судьба этихъ трехъ теченій состояла въ томъ, что *холодъ разсудочнаго отрицанія все болѣе крѣпкъ* и разливался все далѣе и шире. Явный и тайный, сдержанный и воинственнѣйшій нигилизмъ отравлялъ души на всѣхъ возможныхъ путяхъ, увеличивая и число своихъ прямыхъ послѣдователей, и число *теплопрогладныхъ* «примирителей»; — и въ то же время онъ все ограничивалъ число *горячихъ до изувѣрства*, угашая ихъ пылъ, колебля ихъ твердость и исключительность, ослабляя ихъ силу — и душевно, и соціально...

Вся эта духовная трагедія возникла, сложилась и назрѣла за предѣлами Россіи, въ Западной Европѣ. Католическая

Европа знает время, когда человѣческій разумъ былъ объявленъ началомъ дьявольскимъ, а ученые естествоиспытатели, не думавшіе вовсе посягать на ученіе церкви, обрекались гоненіямъ, тюрьмамъ, пыткамъ и казнямъ. Католическая церковь боялась ереси и не вѣрила въ разумъ. Она не вѣрила въ то, что разумъ есть *сила Божественная* и опасалась, что свободное изученіе природы дастъ человѣку виѣцерковный источникъ противохристіанской очевидности. И потому она не шла въ себѣ ни силы, ни глубины, ни ширины, ни мудрости, ни гибкости для того, чтобы разрѣшить, возглавить и *христіанизировать духъ нарождающагося естествознанія*. Она не только не благословила изученіе *чудесъ и тайнъ Божьяго міра*, но пыталась наложить на это изученіе запретъ и остановить его. Она не захотѣла и не сумѣла *пропитать это изученіе изнутри — духомъ религіознаго благоговѣнія; чувствомъ приближенія къ Божіей тайнѣ; характеромъ мистическаго откровенія; волею познать величайшее дѣло Божіе; заданіемъ: одухотворить міръ вещественный черезъ подчиненіе его — власти христіански-мыслящаго и живущаго человѣка...*

Изученіе міра все-таки пошло своимъ чередомъ. Но осуществилось оно не *богowedновеннымъ разумомъ*, а богопокинутымъ разсудкомъ. И плоды этого откола и извращенія мы собираемъ съ тѣхъ поръ въ теченіе вѣковъ вплоть до современнаго духовнаго кризиса.

Намъ трудно представить себѣ во всѣхъ подробностяхъ, какова была бы та *иная наука*, которая выросла бы изъ *цѣльнаго и цѣлостнаго* (а не разорваннаго и расколотаго) *человѣческаго существа*. Мы можемъ однако съ увѣренностью сказать, что это была бы наука, насыщенная *духомъ и интуиціей*; что она всегда оцупцала бы *живую тайну міра*, его величіе и священность, и потому она была бы методологически гораздо болѣе осторожна, гибка, скромна и отвѣтственна (особенно въ изслѣдованіи души); что она умѣла бы не только дробить предметъ, расчленять его и идти отъ кусочковъ, но умѣла бы и *видѣть цѣлое*, идти отъ цѣлаго и переходить къ частямъ; что она была бы несравненно проищательнѣе, утонченнѣе, художественнѣе, и потому продуктивнѣе (теоретически и практически); что она предпочитала бы живое *показываніе* предмета всякому отвлеченному «построенію» и «разсужденію»; что она имѣла бы верховную религіозно-правственную *цѣль*,

и въ вѣрномъ служеніи ей утверждала бы свою духовную *свободу отъ всякой земной пошлости и дурной тенденціозности*; что она сохранила бы единеніе съ такими глубинами человѣческаго существа — познавая *ихъ* и познавая *ими* — къ которымъ современная разсудочная наука не знаетъ, какъ и подступиться. Вопросы психологіи, душевнаго и духовнаго лѣченія; вопросы воспитанія, характера и морали; вопросы политики и исторіи — все было бы *поставлено* иначе, все давало бы человѣку не разсудочную безпомощность, не слѣпую вѣру въ количество, въ механику и въ равенство (со всею вытекающею отсюда демагогіей), а *властную прозорливость и видящую власть*.

Люди испытывали бы *религіозную значительность истиннаго знанія; священную отвѣтственность ученаго; духовную природу науки*. А наука была бы дорогомъ, не уводящею отъ Бога, а ведущею къ Богу. —

Исторія культуры пошла другимъ путемъ. Западъ отдѣлилъ умъ отъ вѣры и пошелъ за невѣрующимъ умомъ. А когда западное христіанство спохватилось, то безбожный умъ ушелъ такъ далеко, что вернуть его было уже некуда и невозможно. И «побѣда» этого западнаго безбожнаго ума состоитъ не только въ обиліи «вѣрныхъ гипотезъ», въ созданіи могучей техники, въ критическомъ развѣданіи самыхъ корней христіанства (протестантское богословіе) и въ созданіи тайныхъ, но очень вліятельныхъ противохристіанскихъ организацій, — но главнымъ образомъ въ томъ, что *стихія тепло-прохладной раздвоенности* захватила и *церковные умы, и «вѣрующія» души*...

Духъ современнаго культурнаго человѣчества глубоко развѣденъ этою «двойною бухгалтеріей» въ вопросахъ *истины*: онъ знаетъ *два* истины и потому въ истинномъ смыслѣ *не знаетъ ни одной*. Религіозность его не умѣетъ быть цѣльною: а жадность его научилась цѣльности и безстыдству. Наука его не умѣетъ быть благодатною, мудрою и ведущею; а самочувствіе его богато тою заносчивостью, которая свойственна полубразованному уму, ослѣпленному «наукой» и полунатурой, *по не измѣрившему ея предѣловъ*...

Трудно сказать, трудно предвидѣть — побѣдитъ ли въ себѣ эту раздвоенность западное человѣчество: и если побѣдитъ, то когда и какъ. Но надо признать и установить незыблемо, что идти за нимъ по этимъ путямъ и дорогамъ — *русскій народъ и русская интеллигенція не должны*. Всему человѣчеству и

намъ русскимъ, въ частности и въ особенности. — необходимъ *новый укладъ души и духа*; укладъ, не основанный на внутреннемъ расколѣ и не ведущій къ нему; укладъ здоровой и глубокой *цѣлостности*. И къ этому укладу намъ надлежитъ воспитывать и себя, и своихъ дѣтей.

Для этого мы должны прежде всего усвоить ту истину, что разумъ совсѣмъ не враждебенъ вѣрѣ; что наука совсѣмъ не исключаетъ и не опровергаетъ религію; что вѣра нуждается въ разумѣ, ибо *разумъ ведетъ къ Богу*.

Именно такъ учила о соотношеніи вѣры и разума великая восточно-православная аскетика. Она не только не противопоставляла «умъ» — «сердцу» или «созерцанію», но утверждала ихъ органическое единство.

«Боголюбивый умъ есть свѣтъ души» — учитъ Антоній Великій. «Мы люди тѣмъ, что истинно умны въ душѣ, т. е. боголюбивы». «У кого умъ боголюбивъ, тотъ просвѣщенъ сердцемъ и зритъ Бога умомъ своимъ». «Какъ тѣло безъ души мертво, такъ душа безъ ума бездѣйствена и Бога достояніемъ своимъ имѣть не можетъ».

«Умъ есть кормчій сердца» — пишетъ Макарій Великій; «умъ есть всадникъ; онъ впрягаетъ колесницу души, сдерживая бразды помысловъ».

Дѣйствіе молитвы по свидѣтельству Блаженнаго Діадоха таково, что отъ нея «благодать Божія вселяется въ самую *глубину души, т. е. въ умъ*». Ибо молитва есть «умное ума дѣйство таинственно на жертвенникѣ душевномъ» (Григорій Синаитъ); а «чистота сердечная» есть не что иное, какъ «блюденіе и охраненіе ума» (Исихія Іерусалимскій).

«Не знающій истины и вѣровать не можетъ. Ибо *въдѣніе по естеству предваряетъ вѣру*» — такова основополагающая формула Марка Подвижника.

Умъ мыслится здѣсь, какъ глубочайшая способность воспринимать Бога, видѣть Его, свѣтить душѣ и вызывать въ ней любовь и вѣру. Умъ утверждается здѣсь, какъ *источникъ религиозной очевидности* и необходимой для нея *душевной чистоты*. Ибо *вѣра безъ ума есть именно безумная вѣра*; и исторія безъ конца свидѣтельствуешь о томъ, что *безумная вѣра прильпляетъ къ самымъ нечистымъ и соблазнительнымъ предметамъ и людямъ*... И исторія Россіи за послѣднюю четверть вѣка подтверждаетъ это достаточно.

Полтора тысячелѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ великіе восточно-православные боговидцы выстрадали и высказали это ученіе. И нынѣ въ ихъ завѣтахъ человѣчество должно искать и будетъ искать спасенія и исцѣленія: ибо исцѣленіе его состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы *умъ* его сталъ *боголюбивъ* и *религіозенъ*, и чтобы *вѣра* его стала *умнымъ дѣйствомъ* его ума, сіяющаго изъ душевной *глубины*.

За эти полтора тысячелѣтія возникла, окрѣпла и развернулась позитивная наука. И то, что теперь предстоитъ человѣчеству, есть не радикальное отверженіе этой науки, какъ таковой, а обповлечіе строящаго ее ума и освѣщеніе добытыхъ научныхъ познаній изнутри. Вѣрное останется *вѣрнымъ*; но духовно осмыслившись и освѣтившись отъ Цѣлаго — оно станетъ *истиннымъ*. Религіозное чувство окрылитъ, углубитъ и утончитъ умъ; и религія, по слову Бэкона, во истину станетъ тѣмъ «ароматомъ», который не допускаетъ науку до порчи и гніенія. А разумъ очиститъ, оградитъ и укрѣпитъ вѣру; и наука станетъ разновидностью единого, жизненно-религіознаго дѣланія. Фантомъ безбожной науки со всѣми его соблазнами отойдетъ въ прошлое; а безразумная и противоразумная религіозность не будетъ отпугивать человѣческаго ума... Человѣчество опять найдетъ пути къ *умной очевидности въ вещахъ божественныхъ* и призывъ Франциска Ассизскаго «оставаться неучемъ изъ любви къ Господу Богу» не будетъ находить отклика въ сердцахъ. Истина опять станетъ — единой и единственной и никто не будетъ думать вослѣдь за «премудрымъ» Рутіліемъ, что христіанское ученіе «пагубно для умныхъ людей».

Трудно предвидѣть, когда и какъ побѣдитъ въ себѣ эту раздвоенность западное человѣчество. Но въ духѣ *русской православной культуры* — съ ея свободолобіемъ, съ ея шириною, глубиною и гибкостью, съ ея великою традиціей міропріятія и міроосвященія, съ ея непосредственностью, искренностью и склонностью идти въ великомъ до конца, — имѣется все то, что необходимо для созданія новаго духовнаго сдвига и новаго уклада.

Къ этому обновленію готовятъ насъ годы крушенія и страданія.

И оно должно сіять намъ впереди путеводною звѣздою.

РУССКАЯ ДЕРЖАВА.

На хуторѣ Царя почти никто не видалъ, но Его всѣ знали и Опъ вошелъ въ жизнь Сергуньки Самохоткина съ его дѣтскимъ лѣтъ.

Сергунька дальше хутора и его степеней не бывалъ. Окружная станица далеко; онъ зналъ свои хуторъ и свою станицу по имени, зналъ какъ её «дразнить» `). Не по хорошему дразнили станицу. «Шорочная» она была:—архіерея, моль, встрѣчали нѣкогда станичники; надо звонъ дѣлать, а звонить некому, такъ будто: — кобель на колокольнѣ звонилъ. Спрашивалъ Сергунька отца: — правда ли такъ было?

— У, пустобрехи!, — скажетъ отецъ и задумается. Видитъ Сергунька, что и ему неприятно, что станица такъ осрамилась.

Въ хуторской школѣ узналъ Сергунька, что есть еще Войско Донское, — Донская область, — урядникъ инструкторъ обучалъ; и что *есть Россія*. Про Россію рассказывалъ батюшка. Хорошо рассказывалъ. Но понять было невозможно. Очень ужъ большая Россія. Если на конѣ ѣхать, — въ годъ не проѣдешь съ одного конца на другой. И города есть большіе, и рѣки, и горы громадныя. Только, не видѣвъ ничего кромѣ стени, да синяго неба, да овражистой балки, трудно было это все Сергунькѣ вообразить. И слагалось въ мысли: — Россія огромная, и въ ней — Царь.

Царя поминали часто. И въ пѣснѣ и въ присказкѣ. Онъ вошелъ въ жизнь и какъ будто «слился» съ Богомъ. И Богъ — Царь Небесный; и Царь, какъ Богъ въ своемъ Россійскомъ царствѣ — земной Царь.

Прислушается Сергунька въ церкви, что поютъ и читаютъ — и тамъ часто Царя поминаютъ. Священникъ особо и благогоушно молится: — «О Благочестивѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ, Великомъ Государѣ Нашемъ, Императорѣ Николаѣ Александровичѣ».

*) На Дону каждая станица имѣетъ свое прозвище, связанное съ какой-нибудь старой легендой. Если прозвище и легенды не обидныя — станица безпорочная.

Все слова непонятныя, трудныя, а торжественныя, благостныя, какъ-то сливаюціяся съ молитвою. съ пѣніемъ, съ запахомъ ладапа. съ золотыми ризами священника и солнечными лучами. что сквозными потоками входили черезъ овальные стекла хуторской церкви.

Поднимали духъ эти слова. Отъ нихъ уносилась ввысь душа и тепло становилось на сердцѣ.

Царскіе портреты висѣли рядомъ съ «Богами». Отецъ ѣздилъ въ Криворожье на ярмарку и привезъ ихъ оттуда. Въ золотыхъ узкихъ рамахъ, подъ лакомъ. Помнилъ Сергунька какъ привезли ихъ; сладко пахло отъ нихъ клейкимъ лакомъ. Царей было двое: — Императоръ Александръ III Александровичъ въ темномъ мундирѣ и при голубой лентѣ, и Наслѣдникъ Николай Александровичъ въ голубомъ казацкомъ мундирѣ. Теперь лаковый запахъ вывѣтрился, и рамки, засиженныя мухами. стали бурями. Про Императора Александра III Александровича говорили, что онъ «въ Бозѣ почилъ». И то, что онъ не умеръ, а «въ Бозѣ почилъ» — казалось Сергунькѣ таинственнымъ и значительнымъ.

Еще видалъ Сергунька Царское изображеніе на золотыхъ десятирублевкахъ и пятирублевкахъ, на рубляхъ и полтинникахъ, на почтовыхъ маркахъ. Царь и двуглавый орелъ, Царь и Россія — такъ и вошли съ этими изображеніями въ понятіе Сергуньки, какъ что-то огромное, прекрасное и святое. Какъ въ церкви.

Во всемъ хуторѣ видалъ Царя, Александра Николаевича, только старый дѣдъ Бодрухинъ. Онъ служилъ въ лейбъ-гвардейскомъ полку. Ходилъ въ Туреччину освобождать болгаръ. а раньше въ Санктъ-Петербургѣ видалъ часто Царя. Онъ рассказывалъ про воскресные разводы передъ Государемъ. Какъ являлись Государю офицеры на ординарца, какъ скакали и джигитовали мимо Царя казаки и кавказцы.

— «Пистолеть зарядять порохомъ и пескомъ. И листъ насупротивъ Государя положить бумажный, большой. И скачуть мимо, а подлѣ листа лагнутся и въ листъ стрѣляютъ. Листъ вдребезги. Одни ключья. Кони тогда были!.. Такихъ нѣтъ теперь... Шу... умные! Она животная-то понимаетъ, что передъ Царемъ. Она — старается... Другая, на ренетиціяхъ какая идравная: И на дыбки становится и сигаеть — однова

не сшибеть, а Царь пріѣдетъ — такова смирная — не узнаешь . . .»

Отъ этихъ разсказовъ дышало чѣмъ-то великимъ и важнымъ. Какъ въ Библии, когда читають про жизнь при Богѣ, какъ Господь говорилъ съ людьми.

Задумается Сергунька. Мать подойдетъ къ нему, погладить по вихрастой головкѣ и скажетъ: — «О чемъ ты?»

— «О Царѣ, мамка, думаю. Какой онъ есть?»

— «До Бога высоко, до Царя далеко», — скажетъ, вздыхая мать. — «Всю-то жизнь прожили, никогда не сподобились Царя повидать . . .»

Осенью отецъ ѣдетъ на ссыпку, везетъ продавать хлѣбъ. Вернется чуть хмельной. Вечеръ теплый, медвяно и сладко пахнетъ со стени зерномъ. Тихо спускается солнце. Отецъ сядетъ на рундукъ у хаты. Сергунька рядомъ съ нимъ. Отецъ обниметъ его рукою и мурлычить вполголоса:

— «Русскій Царь живетъ богато:
Войско водить въ сапогахъ.
Ваша-жъ рага — есть оборванцы,
Ходять даже безъ чувякъ! . . .»

Отъ отца пахнетъ дегтемъ, махоркой и, чуть, водкой. Этотъ запахъ сливается съ крѣпкимъ запахомъ стени. Сергунька спрашиваетъ отца.

— «Онъ богатый. Русскій Царь?»

— «Ужасно какой, Сергунька, богатый . . .»

Такъ творилась незамѣтно, въ простомъ дѣтскомъ сердцѣ мистерія о Царѣ. Радостью и свѣтомъ озаряла тоску повседневной жизни на далекомъ хуторѣ. Грязные, вонючіе скотскіе базы, овечьи кошары, нудно пахнущіе по утрамъ, вѣчная безъ роздыха возня съ животными, птицами, съ грязной землей, борьба съ непогодой и зимнею стужею — все покрывалось мыслью: — «Царь-то это, поди, знаетъ . . . Думаетъ о насъ . . . Цѣнить . . .»

Какъ Богъ на небѣ, такъ Царь на землѣ. И безъ нихъ было бы нельзя жить. Съ тоски, со скуки удавились бы люди. --

Сергуньку на пріемѣ записали въ гвардію. Отецъ съ гордостью оглядѣлъ высокаго несуразнаго парня съ розовымъ безусымъ лицомъ и голубыми въ черныхъ рѣсницахъ глазами и сказалъ:

— «Ну, братъ!.. Царя сподобишься повидать. Счастливымъ, знать, ты уродился».

Стали готовить «справу». Ыздили къ стапичному портному, шили обмундировку гвардейскую съ желтыми петлицами, на ярмаркѣ искали «справнаго» коня.

За заботами и хлопотами, за поѣздкой въ Арчеду въ гвардейскій лагерь, гдѣ обучались малолѣтки, какъ-то забылася тоска предстоящей разлуки. Столько было впечатлѣній!.. —

Семь дней ѣхали по чугункѣ въ красныхъ вагонахъ съ конями вмѣстѣ. Нескладно пѣли пѣсни, смотрѣли на каменные большія зданія станцій, на просторъ сжатыхъ полей, на далекія села, на широкія рѣки и стали смутно понимать, что такое Россія...

Петербургъ... Вотъ Онъ!.. И Царь тутъ живетъ. Казалось — выѣзешь и встрѣтишь Его? Нѣтъ, не встрѣтишь Его. Развѣ можно Его такъ просто увидеть...

Хмуря сырыя красныя казармы. Вставать до свѣта. При свѣтѣ лампъ одѣваться и обуваться и идти на конюшню убирать лошадей. Ученья, кормъ лошадей, обѣды, и опять ученья; и вечеромъ молитва передъ образомъ съ горящей лампадой, мертвый сонъ усталаго тѣла и пробужденье отъ грозныхъ криковъ дежурнаго: — «вставать! вставать!»

Дни сливались съ днями, одинаково занятые. — только успѣвай все исполнить. Взводный и флагвый покрикивали; приказный и старые казаки наставляли; приходили господа офицеры и командовали, учили и поправляли.

Не замѣтилъ и самъ Сергунька Самохоткинъ, какъ изъ несуразнаго парня, незнающаго куда дѣвать руки и какъ поставить ноги, сталъ онъ бравымъ, расторопнымъ казакомъ. Уже перевели его за бравый видъ и хорошую посадку на конѣ изъ задней шеренги въ переднюю и дали ему пику.

— «Теперь на смотру Царя, какъ меня, увидишь!» — сказалъ ему хорунжій.

На словесныхъ занятіяхъ хорунжій спрашивалъ:

— «А кто у тебя Государь Императоръ?»

И, когда Рыбалкинъ, тупой казакъ отвѣтилъ: — Миколай Александровичъ... — хорунжій поставилъ его на два часа въ боевую.

И за дѣло. Падо было отвѣчать:

— Его Императорское Величество. Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Въ этихъ длинныхъ, непонятныхъ словахъ, тоже, было что-то отъ Библии, отъ Бога, отъ разсказовъ дѣда, отъ словъ матери со вздохомъ: — «до Бога высоко, до Царя далеко...» —

Какъ-то вдругъ, послѣ Пасхи, стали часто ходить всѣмъ полкомъ на ученья, ѣздить подь музыку. Сказали: — «на 28 апрѣля назначень Высочайшій смотръ войскамъ Гвардіи и Петербургскаго военного округа на Марсовомъ полѣ».

— «Ну вотъ, Самохоткинъ, и увидишь ты Царя!» — сказалъ Сергунькѣ хорунжій.

И сказалъ это такъ, что Сергуньку теплою обдало. Точно милость ему объявить...

Въ этотъ день встали рано. Раньше обыкновеннаго. Уже весна на дворѣ. Солнышко встаетъ рано, а встали до солнца. При огнѣ. Сразу пошли на конюшню. И наканунѣ съ вечера особенно тщательно убрали копей, хвосты имъ заплетали. Съ утра каждую пылшку съ нихъ снимали. Пришли взводные кузнецы и рашнилемъ ониливали спереди подковы, чтобы блестяли, — «бронзу» наводили.

Шли на Царскій смотръ!

Послѣ уборки, въ блѣдномъ утреннемъ свѣтѣ столовой ѣли особый завтракъ. Не хотѣлось ѣсть такъ рано, по старые казаки говорили: — «поѣшь, а то не скоро обѣдать будешь. Уморишься. Сомлѣнешь...» — Послѣ завтрака каптепармусъ и взгодные раздавали парадные мундиры; всѣ подбѣяли ремни портупей, а потомъ мылись, раздѣвшись до пояса, ледяною водою и мыломъ растирали лица, подбивали губы и мѣдными гребешками расчесывали волосы. Одѣваясь, помогали другъ другу, осматривали другъ друга. И было — торжественно, празднично и необычно, какъ передъ Свѣтлой Пасхальной Заутреней.

Что за чудныя были новыя панахи, съ голубымъ верхомъ, волнистаго чернаго курнея, съ серебряными звѣздами и отличіями. Удивительнаго небснаго цвѣта мундиры съ желтыми жгутами и оловянными пуговицами съ двуглавымъ орломъ: — *Россія!*.. Шаровары темносіняго сукна. Сапоги въ черной смазкѣ съ круглыми подборами и тунными каблуками. Съ подошвъ лакъ не сошелъ. Новые, пенадѣванные!

На Царскій смотръ!

Когда построились, съѣли на коней и подъ торжественно грозные звуки «похода» принимали полковой штандартъ, не въ кожаномъ, какъ всегда чехлѣ, а распущенный, въ серебряныхъ и широкихъ георгиевскихъ лентахъ, съ тяжелыми кистями — точно колокола зазвонили въ душѣ у Сергуньки малиновымъ звономъ. Штандартъ—полковая свитыня... За нимъ и Богъ, и Царь, и Россія!..

Вышли на Невскій. Все было не такое, какое было вчера. Солнце озаряло пеструю линію домовъ. Тучки набѣгали на него. Свѣжій вѣтеръ съ Невы полыхалъ и несъ запахъ морской волны.

На углу Садовой пѣхотная колонна преградила дорогу полку. Въ стройномъ пѣніи мѣдныхъ трубъ, въ трескѣ барабановъ ровно и плавно проходили пѣхотные ряды. На солдатахъ все было новое. Въ долгомъ движеніи отдѣленій съ круто поднятыми ружьями и выравненными штыками было что-то грозное и несокрушимое... Русская армія!

Понятны становились Сергунькѣ церковныя молитвы о побѣдоносномъ, христіюбивомъ, Россійскомъ Воинствѣ. Оно шло передъ нимъ, какъ Христова рать — Царское войско! По сторонамъ столпился народъ. Раздавались восторженные вскрики:

-- Ахъ! молодцы измайловцы! Ну! молодцы!

-- Какая прелесть казаки! — сказала одна дѣвушка.

Купецъ въ дрожжахъ на рысакѣ снялъ шапку передъ Знаменемъ. Стали снимать и другіе. Дворникъ снялъ фуражку и долго крестился на знамя. Оно шло, несомое великаномъ знаменщикомъ, и подлѣ шель офицеръ въ золотыхъ эполетахъ.

— Что за красавецъ народъ въ нашей Россіи. — сказали кто-то въ толпѣ подлѣ Сергуньки.

Почудилось отъ этихъ словъ дыханіе чего-то мощнаго, прекраснаго и удивительнаго: --- имя чему *Россія*.

Долго стояли на Дворцовой площади позади кирасирской дивизіи. Золотыя кирасы, золотыя каски съ золотыми и серебряными орлами (тоже Россія!), алая и черныя пики съ бѣло-красными и сине-желтыми флюгерами: — все это было такъ необычно, прекрасно и величественно... Оно подготовляло — увидѣть Царя.

Издалека, отъ самой Невы, донесся какой-то странно волнующій гулъ. Онъ не походилъ ни на какіе звуки, слышанные

раньше Сергунькой. Отъ него подобрались, насторожились и настромили уши кони, точно тоже услышали что-то необычное.

Онъ шелъ, все нарастая изъ-за высокихъ домовъ, шелъ оттуда, гдѣ сейчасъ долженъ былъ быть Царь. Сергунька хотѣлъ спросить у сосѣда, что это такое? Не смѣлъ: — нельзя говорить во фронтѣ. Онъ скоро понялъ: это войска кричали: ура! Кричали многія тысячи людей. Царь ѣхалъ мимо нихъ. Этотъ крикъ былъ грозный и вмѣстѣ съ тѣмъ радостный, легкій, воздушный, точно прозрачный. Онъ приближался. И вотъ — вспыхнулъ уже тутъ, рядомъ, у Адмиралтейскаго бульвара, гдѣ въ зеленую дымку молодыхъ почекъ кутались тополя и липы.

На площади раздались команды. Дрогнули пики съ флюгерами, вспыхнули серебряными звѣздочками конья на нихъ, и торжественно заиграли «походъ» кавалергардскіе трубачи. Сѣвось кирасы и пики, сквозь конскія головы Самохоткинъ увидѣлъ, какъ къ полкамъ приблизилось много пестро-одѣтыхъ всадниковъ. Должно быть, тамъ былъ и Государь. Внезапно оборвали трубы: и Самохоткину въ мертвой тишинѣ, нарушаемой прозрачнымъ топотомъ копытъ, послышался чей-то голосъ. Должно быть, голосъ Царя. И сейчасъ же дружно отвѣтили кавалергарды. Трубачи заиграли знакомый Сергунькѣ гимнъ и люди впереди него закричали ура!..

Послѣднія раздались команды въ ихъ полку. Командиръ на рыжемъ жеребцѣ проскакалъ на флангъ и всталъ между трубачами и правымъ флангомъ 1-й сотни. Кричали ура лейбъ-казаки. Трубачи подняли трубы и заиграли походъ.

Сергунька увидалъ полнаго бритаго человѣка, ѣхавшаго на большой совершенно бѣлой лошади. На немъ была алая куртка, расшитая золотомъ и бѣлыя лосины.

«Уже не Царь ли это?» — подумалъ Сергунька. И сейчасъ сообразилъ — «нѣтъ, Царь не такой».

И тутъ же увидѣлъ Царя.

Онъ ѣхалъ на стальномъ-сѣромъ конѣ, чуть позади коляски, запряженной четырьмя бѣлыми лошадьми по двѣ въ рядъ. Въ коляскѣ сидѣли Императрицы.

Сергунька ихъ почти не видалъ, онъ смотрѣлъ радостно-восторженными глазами въ лицо тому, кто, казалось, прямо смотрѣлъ на него. Онъ узнавалъ Его по портретамъ въ ихъ домашней хатѣ; но болѣе того — онъ *чувствовалъ* Его. Съ приближеніемъ этого всадника Сергунька точно ощущалъ бла-

гостныя молитвы «о благочестивѣишемъ, самодержавнѣишемъ», онъ точно понималъ теперь значеніе словъ — «до Царя далеко» — хотя. вотъ онъ! какъ онъ былъ близокъ!

Онъ услышалъ и не понялъ словъ Государя, такъ былъ взволнованъ. Крикнулъ отвѣтъ и закричалъ ура, какъ учили. и не чувствовалъ, какъ текли по его лицу слезы...

И вотъ уже далеко Царь, смолкли по знаку пашки крики. повернули направо по шести и пошли рысью вдоль канала, звонко стуча подковами по камнямъ мостовой.

На крытомъ и широкомъ мосту, въ сквозной тѣни деревьевъ долго стояли. ожидая своей очереди.

Впереди было видно широкое поле, усыпанное желтымъ пескомъ и уставленное войсками. Кое-гдѣ блистали, голубѣя, длинныя узкія лужи налетѣвшаго ночью дождя. Оттуда доносились бодрые звуки музыки. Ихъ—то закрывала человѣческая завѣса идущихъ полковъ, и тогда они слышались приглушенные. притупленные, неясные. то вдругъ, когда проходилъ полкъ, они врываются на мостъ и раздавались по всей Садовой. яркіе. звучные и зовущіе.

Стало видно. какъ собрались на серединѣ площади трубачи всеи дивизіи на сѣрыхъ лошадяхъ. Засверкали золотыя кирасы и бѣлые орлы кавалергардовъ, и стало видно, какъ проходили они мимо Государя Императора шагомъ въ грозно-радостномъ рокотѣ литавровъ и пѣіи трубъ. Черными опахлами висѣли хвосты гнѣдыхъ лошадей изъ подъ широкихъ красныхъ вальтрановъ.

Тамъ пѣла музыка и точно плела звуками сложный золотой узоръ, и въ этомъ узорѣ являла свой прекрасный ликъ великая Россія...

Оттуда. гдѣ подъ старыми тинами Лѣтняго сада нестрѣли полныя людей трибуны. точно серебряный голосъ пропѣлъ сигналъ: — «рысь».

— Рысью размашистой. но не распущенной для сбереженья коней!

И стало видно, какъ освобождая мѣсто Сергунькину полку, мягко подрагивая въ тактъ музыки. пошли по полю. сотня за сотней алые лейбъ-казаки.

Сергунькина сотня выстроила фронтъ. Свалила пикъ «на бедро». Сергунька, двигаясь рысью въ общемъ фронтѣ, подравниваясь однимъ глазомъ. видѣлъ, какъ сверкнули пашки

въ рукахъ у командира полка, полковника, сотеннаго и офицеровъ. и сталь вдругъ близокъ къ нему Государь. Онъ Его сразу увидалъ впереди большой и блестящей свиты. онъ Его сейчасъ же узнать и разслышалъ теперь ясно Его голосъ: —

— Спасибо, молодцы!

Опять залило горячимъ огнемъ счастья всю грудь Сергуньки, онъ радостно крикнулъ отвѣтъ Государю. И уже нѣтъ ничего. Впереди широкое поле; хвосты вороныхъ лошадей и красные мундиры лейбъ-казаковъ, скачущихъ, загибая мимо памятника; розовое зданіе съ бѣлыми колоннами и широкой просвѣтъ съ голубою Невой... —

Все, что было потомъ, уже было не то. Строились для атаки всею массою кавалеріи поперекъ поля, наматывая на кулакъ поводья, чтобы въ-время остановить лошадей... Потомъ шли домой...

Когда слѣзали во дворъ казармъ съ лошадей и положили пики на плечо, вели ихъ въ конюшни, Сергунька ощущалъ въ своемъ сердцѣ, что случилось въ немъ что-то новое. Онъ понималъ ибъчто необъятно-великое, точно вся та карта Россійской Имперіи. на которую онъ туно смотрѣлъ въ классѣ, вошла въ него и стала такою необъятной, какъ о ней говорилъ хорунжій: —

— «Солнце не заходитъ».

Послѣ уборки лошадей и поздняго обѣда, сдавали въ цейхаузъ парадные мундиры, папахи, аммуницію и вальтрапы, потомъ поили и задавали кормъ лошадямъ, подметали дворы, сносили навозъ въ лари. Все было обыкновенное, будничное. Но уже въ этомъ будничномъ точно засвѣтился яркій огонь *величія Россіи и ея Царя*, засвѣтился, чтобы никогда не угаснуть. —

Вечеромъ. въ сотенной канцеляріи. Сергунька на листѣ почтовой бумаги. купленной въ полковой лавочкѣ. пытался изобразить все то, что онъ пережилъ въ этотъ день, когда первый разъ увидалъ Русскаго Царя.

Онъ писалъ домой. На хуторъ, гдѣ никогда не видали Государя, гдѣ женщины и многіе казаки не видали чугушки. Онъ писалъ туда, гдѣ точно нахохлившаяся насьдка, стояла бѣлая хата подъ крутою и лохматою соломенною крышей, гдѣ въ этотъ апрѣльскій день—бездонно-голубое небо, сладко воркуютъ голуби, вся степь въ зеленыхъ прямоугольникахъ моло-

дыхъ хлѣбовъ и въ пестромъ коврѣ цвѣтущихъ травъ. гдѣ въ этотъ вечерній часъ на дворѣ чуть ладанно пахнетъ соломеннымъ дымомъ, и дымомъ углей. а сбившіяся на ночь овцы несутъ тепло пахучей овчины. Онъ точно видѣлъ весь хуторъ съ тополями у церкви, съ высокими журавлями колодцевъ. Ему казалось, что Царь видитъ хуторъ. и ему хотѣлось, чтобы и хуторъ увидалъ Царя.

Но какъ описать — неопишемое?! Оно было прекрасно. когда священникъ возглашалъ: «Благочестивѣйшаго. Самодержавнѣйшаго. великаго Государя Нашего. Императора Николая Александровича... да помянетъ Господь во царствіи своемъ!...»

Оно было понятно. когда ласково говорила мамка. глядя его по головѣ: — «до Бога высоко. до Царя далеко».

Оно казалось простымъ. когда жидкимъ теноркомъ. неся запахъ махорки. дегтя. овчины и водки. напѣвалъ отецъ:

... «Русскій Царь живетъ богато:
Войско водить въ сапогахъ...»

Но. какъ передать это все своими словами?

Сергунька началъ съ поклоновъ. Прочиталъ. провѣрилъ... Не пропустилъ ли кого?... Кажется. всѣ. Помянулъ и бабушку. отца Клавдія... Всѣ...

Долго думалъ. Потомъ написалъ:

«... Безъ Бога нѣтъ Царя. Безъ Царя нѣтъ арміи. а безъ арміи нѣтъ Россіи».

Въ этихъ простыхъ. величественно-мудрыхъ словахъ вылилось у Сергуньки все. И то. что онъ впиталъ въ себя съ ранняго дѣтства на хуторѣ. въ семьѣ. въ церкви и въ иколѣ. и что было ему непонятно и далеко. и то. что онъ сейчасъ на Царскомъ весеннемъ смотре. въ прозрачныхъ крикахъ ура. въ волнующемъ видѣ красоты вдругъ понялъ и созналъ навсегда.

П. Красновъ.

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ.

Кѣмъ и какъ создана эта страна - великанъ, Россійская Имперія. не имѣющая себѣ равныхъ не только по сплошь занимаемому мѣсту на картѣ. но и по разнообразію, — то сказочному богатству, то суровой убогости. — природныхъ условій? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ почти двѣнадцати-вѣковая колонизаціонная работа, органически связавшая русскою культурою Мурманскъ съ Памиромъ и Тихимъ Океаномъ. Бѣлое море — съ Чернымъ.

Работа эта еще далеко не закончена. И вдумчивая оцѣнка ея даетъ слѣдовательно не только ключъ къ пониманію прошлаго, но и позволяетъ намѣтить тѣ вѣхи. по которымъ *будутъ проложены пути грядущей Россіи.* —

Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ восточнымъ славянамъ, впоследствии ставшимъ «русскими», досталась на зарѣ исторіи самая незавидная доля. Земли приморскія. земли удобныя и природой защищенныя, не говоря уже о жемчужинахъ благодатнаго юга, оказались крѣпко занятыми тогда, когда появились они на предгорьяхъ Карпатъ. И сосѣди. ранѣе осѣвшіе на этихъ земляхъ приняли ихъ враждебно: сразу же стали тѣснить на востокъ и на сѣверъ. тогда какъ славяне съ самаго начала стремились на западъ и югъ. къ морю и солнцу. туда же. куда стремились и всѣ ихъ болѣе счастливые соперники.

Итъ возможности опредѣлить. какова была по началу живая сила русскаго народа. Но если даже основываться на гораздо болѣе позднихъ данныхъ. достаточно уже надежныхъ, то окажется, что въ 1648 г., когда русская колонизаціонная волна. пробѣжавъ около 10 000 верстъ, достигла до самой крайней точки своего проникновенія на востокъ. — мыса Дежнева. — численность населенія Россіи приближалась къ 12 милліонамъ. Въ то же время Франція уже насчитывала около 19 милліоновъ.

Русскому продвиженію на Дальній Востокъ можетъ быть противопоставлено по стихійной мощности только сѣвероамериканское движеніе на «дальній западъ». Но и это послѣднее (растянувшееся примѣрно на 5 000 верстъ) происходило въ XIX вѣкѣ и стало быстро развиваться только тогда, когда по рѣкамъ плыли пароходы, а по желѣзнымъ колеямъ побѣжали паровозы. А главное: оно питалось непрестаннымъ притокомъ извнѣ свѣжей силы со всеі Европы. За столѣтіе, по даннымъ американской статистики, въ сѣверную Америку переселилось такимъ образомъ свыше 38 милліоновъ отборныхъ искателей счастья и приключеній. Русская же колонизація, колонизація *внутренняя*, протекавшая съ наибольшимъ напряженіемъ задолго до примѣненія силы пара. — происходила въ странѣ, которая всегда остро «болѣла безлюдьемъ».

Русская колонизація вылилась въ движеніе сознательно направленное къ опредѣленнымъ цѣлямъ только къ XVIII в., когда по почину Петра Великаго правительственная власть принялась дѣятельно руководить заселеніемъ огромныхъ пространствъ, уже занятыхъ вплоть до Чедовитаго и Тихаго океановъ, и способствовать ему. До тѣхъ поръ бессознательная, стихійная тяга русскаго народа на сѣверъ, на югъ и востокъ являлась, по существу своему, продолженіемъ того первичнаго расселенія по «великому водному пути изъ варягъ въ греки», про которое Соловьевъ сказалъ: «тихо и незамѣтно проходило оно для исторіи, потому что здѣсь было не завоеваніе одного народа другимъ, а *мирное занятіе земли, никому не принадлежавшей*».

Вызванная къ жизни и направляемая въ теченіе многихъ столѣтій стремленіемъ населенія уйти отъ опасностей, укрыться за естественными гранями; шедшая до XVIII вѣка неизмѣнно по пути наименьшаго сопротивленія, русская колонизація проявлялась такимъ образомъ не въ распространеніи господства надъ чужеродными племенами, а въ овладѣніи пространствомъ большею частью пустыннымъ. *Ея стихія* — не въ борьбѣ съ людьми, а въ *преодолѣніи безлюдья*. Осмысленная исканіемъ безопасности, она являлась процессомъ *органическимъ, естественнымъ и необходимымъ*. Она была дѣломъ *всенароднымъ*, свидѣтельствующимъ объ *историческомъ чутьи* и *государственныхъ задаткахъ* у того, тогда сравнительно малочисленнаго, основного русскаго ядра, которое сумѣло

выдѣлить достаточно энергіи и предприимчивости, чтобы создать въ крайне неблагоприятныхъ условіяхъ государство — «одну шестую часть суши», съ его «неисчислимыми природными богатствами» и съ населеніемъ, достигающимъ даже послѣ всѣхъ произведенныхъ надъ Россіей за послѣдніе лихіе годы перекроекъ — 150 милліоновъ душъ (вмѣсто 12 милліоновъ послѣ смутнаго времени). —

Первымъ колонизаторомъ, съ самаго основанія русскаго государства, когда земля «великая и обильная» только начала заселяться. — былъ *удѣльный князь*. Онъ строилъ города-укрѣпленія, укрывая и привлекая къ нимъ засельниковъ всякими льготами. Онъ заботился о хозяйственномъ благополучіи жителей, дорожа ихъ присутствіемъ въ своемъ удѣлѣ. Особенно отличались въ этомъ отношеніи князья Владиміро-Суздальскіе, къ которымъ поэтому и валило населеніе, спугнутое уже въ XII вѣкѣ со стени одолѣвавшими кочевниками — печенѣгами и половцами. Въ ихъ разумной и удачливой колонизаціонной политикѣ лежитъ одна изъ причинъ усиленія и значительнаго культурнаго расцвѣта этой области передъ самымъ нашествіемъ татаръ. Тою же хозяйственной заботливостью о населеніи объясняется выдвигеніе и ростъ Московскаго княжества, уже при татарахъ.

Боярскимъ и торговымъ людямъ, — новгородцамъ, — принадлежитъ первенство въ заселеніи Поморья и въ продвиженіи къ Ледовитому океану, въ погонѣ за товарами для новгородскаго обмѣна. «Терпя пужду на своей неродимой землѣ, тянулись они съ XII вѣка за богатствомъ на далекой сѣверъ, съ великими усиліями проложивъ туда нѣсколько путей» (Платоновъ). За ними шли уже другіе поселенцы: — монахи и крестьянинъ.

Монашеская колонизація, развившаяся въ XIV вѣкѣ, въ пору бѣдствованія отъ татаръ, характерна тѣмъ, что здѣсь двигательной силой служило стремленіе уйти отъ заселенныхъ мѣсть въ «пустыню», въ поискахъ мира духовнаго. Пустынные обители, искательницы безмолвія и тишины, пошли отъ Троице-Сергіевскаго монастыря развѣтвленіями-колоніями по рѣкамъ Костромѣ, Шекснѣ. Вычегдѣ къ Бѣлому озеру, а затѣмъ перекинулись далѣе на Соловки, по Бѣлому морю въ бассейнъ рѣки Онеги. «Это движеніе, — говоритъ Ключевскій, — имѣло очень важное значеніе въ древне русской ко-

лонизаціи. Монахи расчищали лѣсъ, разводили огороды, пахали, какъ и крестьяне. Вокругъ монастыря образовывались мірскія крестьянскія селенія. Такимъ образомъ движеніе пустынныхъ монастырей есть движеніе будущихъ сельскихъ приходовъ, которые въ большинствѣ были первыми въ своей округѣ».

Но настоящимъ закрѣпителемъ занятыхъ пространствъ, гдѣ бы они ни лежали, на дальнемъ сѣверѣ или востокѣ, являлся *крестьянинъ-хлѣбопашецъ*. Тамъ, гдѣ онъ осѣдалъ, — независимо отъ долготы и широты, — рѣшительно и прочно основывалось русское колонизаціонное движеніе: «Всюду, гдѣ было брошено хлѣбное зерно свободнаго пришельца-землевлдѣльца, — тамъ русское господство развивалось и укрѣплялось навсегда» (П. Головачевъ «Сибирь»).

Такимъ образомъ, съ самыхъ древнихъ временъ русскими колонизаторами были: *власть, служилые и торговые люди, монахи и крестьянинъ*. Двигательными силами въ ихъ движеніи являлись: исканіе безопасности и счастья на новой землѣ, — поиски товаровъ и уединенія. И во всѣхъ случаяхъ средствомъ для закрѣпленія владѣнія и господства надъ захваченными землями являлся упорный, хотя и «незамѣтный для исторіи», *мирный, осѣдлый трудъ*. Вотъ почему главнымъ и рѣшающимъ элементомъ въ русской колонизаціи являлись не руководители, не высшіе классы, а народные низы. *Не мечомъ, а зерномъ закрѣплялись за Россійской Имперіей ея неисчислимыя богатства* на протяженіи десятковъ тысячъ верстъ.

Съ XVIII вѣка въ связи съ постепеннымъ закрѣпощеніемъ крестьянства и появленіемъ раскола, въ колонизаціонномъ движеніи принимаетъ все большее участіе новая сила — всевозможная «вольница», бѣжавшая на разныя «украины» въ погонѣ за свободной жизнью—«воровскіе» и «гулящіе» люди, «землепроходцы» и «бродники». Ими пополнялось *казачество*, сыгравшее видную роль при овладѣніи Сибирью.

Мирное движеніе въ Сибирь наблюдается уже въ XVI в., когда русскіе люди, въ погонѣ за цѣннѣйшими мѣхами доходили до мѣстности, называвшейся Мангазеею и лежавшей между низовьями Енисея и Обской губой. Паденіе Казани въ 1552 г., — послѣдней татарской твердыни, преграждавшей широкій путь на востокъ — усилило и облегчило это движеніе.

А предприимчивость даровитыхъ русскихъ кушцовъ XVI вѣка, — Строгановыхъ, и подвиги первыхъ казачьихъ атамановъ Ермака и Кольца, увлеченныхъ Сибирью, указали ихъ преемникамъ новые пути проникновенія на Дальній Востокъ. открывшійся съ разгромомъ Орды.

Быстрота, съ которою какимъ-то вихремъ пронеслись преемники Ермака. казачьи добровольцы-охотники отъ Урала до Тихаго океана. прямо изумительна. Въ 1581 году погибъ Ермакъ. А въ 1602—1604 г. тобольскіе казаки уже плывутъ по притокамъ Оби. Кати и Томи; въ 1632 г. доходятъ до Лены, по которой продвигаются съ верху — до низу. Въ 1648 г. казакъ Поярковъ, а въ 1647 г. Хабаровъ достигаютъ Амура; въ 1639 г. Иванъ Москвитинъ съ томскими казаками появляется на Тихомъ океанѣ, а казакъ Семень Дежневъ въ 1648 г. огибаетъ будущій Беринговъ проливъ.

Весь длинный путь отъ Камы до Тихаго океана былъ слѣдовательно продѣланъ въ какіе-нибудь полъ вѣка (1581—1639), при томъ съ трудностями, прямо неописуемыми.

Но не эта безпримѣрная во всей исторіи человѣчества *казачья удача* рѣшила судьбы Сибири. Продвигаясь быстро и смѣло съ горсточками храбрецовъ - охотниковъ по теченію рѣкъ. порою прямо наугадъ. казаки только выполняли, временами съ неравнымъ боемъ, задачу *развѣдчиковъ*. За ними слѣдомъ посылались Москвою *воеводы и дружины*. Затѣмъ, тою же властью посылались государственные «хлѣбопашенные» *крестьяне*, первая партія которыхъ, въ 30 семействъ, была направлена изъ Сольвычегодска въ 1590 г. Но и правительственная власть была еще въ то время слишкомъ слаба (особенно послѣ смутнаго времени), чтобы вести дѣло колонизаціи послѣдовательно и планомерно. Не она руководитъ движеніемъ, а *движеніе ея*.

Истинными засельниками Сибири долгое время являлась *га безымянная вольница*: бѣглецы крестьяне, преступники, сектанты. что скоплялись въ XVI и XVIII вѣкахъ на сѣверовостокѣ и на южномъ Уралѣ; землепроходцы, которые уходя отъ крѣпостной земли. уносили съ собой мысль о «провѣдываніи новыхъ земель». Безъ этого людского потока, сильнаго не столько числомъ, сколько энергіей. — русская правительственная власть до Петровскаго времени оказалась бы не въ

силахъ справиться съ сибирскими необъятными пространствами, освоить и осилить этотъ суровый край.

Геній Петра немедленно сказывается и въ области колонизаціи. Съ его легкой руки начинается научное обследованіе Сибири. Въ 1720 г. снаряжается экспедиція Мессершмидта, а затѣмъ Беринга. Последнему, между прочимъ, поручается завести хлѣбпашество въ Охотскѣ. Затѣмъ въ 1733—38 г.г. отправляется Камчатская экспедиція, стоившая жизни Берингу и ДеЛилію: въ 1740 г. — Палласовская; въ 1774 г. Лешехинская. Все эти опасныя научныя предпріятія, требовавшія самоотверженнаго, настойчиваго труда, стоившія здоровья, а иногда и жизни изслѣдователямъ, составляютъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ сибирской исторіи. Огромное значеніе ихъ въ томъ, что, начиная съ Петра, разрозненныя, случайныя усилія отдѣльныхъ русскихъ людей получаютъ со стороны власти поддержку, которая выражается прежде всего въ *научной* постановкѣ руководства всеѣмъ движеніемъ.

Петру Великому принадлежитъ починъ и въ оказаніи планомѣрной *военной* поддержки русскому колонизаціонному движенію, достигшему къ концу XVIII вѣка предѣловъ возможнаго распространенія по линіи наименьшаго сопротивленія. Уже въ 1652 г. собранный Хабаровымъ отрядъ охотниковъ натолкнулся при Амурѣ на высланныя китайскимъ богдыханомъ маньчжурскія войска. Въ 1689 г. по Нерчинскому договору Россіи пришлось уступить Китаю почти весь захваченный Амурскій участокъ. На Алтайскомъ направленіи русскіе засельщики къ тому же времени также встрѣтились съ упорнымъ и опаснымъ противодѣйствіемъ киргизовъ-кочевниковъ, пришедшихъ въ этотъ краѣ на смѣну татарамъ.

Петръ, возстановившій своими Азовскими походами, а затѣмъ походами на Хиву и Персію, русское продвиженіе на югъ и юго-востокъ. — понималъ, что безъ помощи регулярной военной силы дальнѣйшая колонизація не только должна будетъ пріостановиться, но что и достигнутое уже — окажется подъ прямой угрозой, какъ въ Киргизскомъ краѣ. Поэтому наряду съ упомянутыми походами Петръ начинаетъ проводить въ Степной области «линіи» крѣпостей. Съ тѣхъ поръ русская колонизація перестаетъ быть мирнымъ расселеніемъ и становится завоевательнымъ: она начинаетъ походить на колони-

зацію европейскихъ державъ, выражающуюся въ *установленіи господства* надъ покореннымъ населеніемъ.

Но къ этому времени на сѣверѣ и востокѣ, на десятки тысячъ верстъ были достигнуты уже *естественныя грани*: — моря и горы. Была закрѣплена на большомъ протяженіи наша теперешняя граница съ Китаемъ. И эта многолѣтняя работа по установленію государственной границы на природныхъ рубежахъ была выполнена *самимъ народомъ*, не подгоняемымъ властью, а наоборотъ, толкавшимъ власть впередъ. Самъ народъ на протяженіи столѣтій *самотекомъ* растекался по необъятнымъ россійскимъ равнинамъ. Служилые люди и «воры», казачья вольница и духовенство, преступники и аскеты. — вотъ кто, двигаясь впередъ то къ безопасности, то къ простору и волѣ, то къ уединенію. — являлся тѣми «имперіалистами», что сдѣлали возможнымъ расширеніе російскаго государства до предѣловъ, въ которыхъ оно стало въ 1721 г. *Имперіей*.

Образчиками имперской «завоевательной» колонизаціи въ Европейской Россіи явились Новороссія и Бессарабія. Въ 1783 году былъ присоединенъ Крымъ. А менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ, въ плодороднѣйшихъ пустыряхъ, гдѣ подъ высокимъ покровительствомъ Блистательной Порты, поддержанной всею Европою, промышляли недобрымъ дѣломъ кочевники: гдѣ красовались вскорѣ знаменитыя «Потемкинскія деревни» (оказавшіяся быстро превзойденными дѣйствительностью), была создана богатѣйшая житница, съ оборудованными портами, желѣзными дорогами, съ земствомъ и университетомъ. То же произошло позднѣе съ Бессарабіей, которую изъ дикой пустыни за нѣсколько десятилѣтій русская колонизація (уже энергично руководимая властью) превратила въ цвѣтущій хлѣбородный садъ.

Завоеваніями Имперіи въ Азіи (помимо Пріамурья и Приморья), явились наши *средне-азиатскія владѣнія*, упершія Россію въ Памиръ. Они перемѣстили нашу государственную границу въ этомъ отрѣзкѣ изъ незащищенныхъ степенъ на трудно преодолимая *природныя загражденія*. Стремленіе опереться на нихъ являлось главнымъ побужденіемъ въ движеніи. Но нельзя не отмѣтить, что это движеніе опредѣлилось и особенно усилилось, выразившись въ рядѣ героическихъ походовъ, съ тѣхъ поръ и въ мѣру того, какъ Европа, въ своемъ стремленіи «поддержать равновѣсіе», нанесла Россіи рядъ

серьезныхъ дипломатическихъ и военныхъ поражений (крымская кампанія, берлинскій конгрессъ) на ея естественномъ и исконномъ пути къ европейскому югу.

«Провиденціальной миссіей Россіи явилась колонизація среди полу-варварскихъ народовъ азіатскаго континента. И въ этомъ отношеніи русскій народъ достигъ выдающихся успѣховъ. Русскій человѣкъ идеальный колонистъ. Какъ колонистъ - земледѣлецъ онъ никѣмъ не превзойденъ» — такъ отзывается иностранецъ, другъ Россіи (г. Саролеа). А вотъ въ какихъ выраженіяхъ говорить о нашей средне-азіатской (военной) колонизаціи лордъ Керзонъ, недоброжелательное отношеніе котораго къ Россіи достаточно извѣстно: «Добродушіе и терпимость покорителей пересилили предубѣжденіе покоренныхъ. Никогда Англій не удавалось превращать такъ удачно своихъ бывшихъ враговъ въ сотрудниковъ». И *никогда*, — надо добавить. — *русская власть не возводила въ систему различіе по цвѣту кожи*, лишая инокожныхъ покоренныхъ самыхъ основныхъ *правъ* общежитія передъ лицомъ бѣлыхъ покорителей. Если у русской власти въ данной области встрѣчались и ошибки, порою очень прискорбныя, — то онѣ вытекали изъ случайныхъ злоупотребленій, а не изъ системы классификаціи людей по цвѣту кожи, совершенно чуждой русскому человѣку.

Русская колонизація, до середины XVIII вѣка, являвшаяся процессомъ мирнаго и органическаго проникновенія, заплотненія захваченныхъ ею пустынныхъ пространствъ русскимъ содержаніемъ, русскою культурою, — *осталась такою же до конца*; даже тогда, когда ей пришлось принять нѣкоторыя черты, вытекающія изъ государственнаго господствованія. Вслѣдъ за завоеваніями мирно вливалась русская стихія, постепенно проникая и *сливаясь со стихіей туземною*. Разумные представители власти этому немало способствовали, неразумные — мѣшали. Но измѣнить вѣкового уклада русской колонизаціи, сложившагося въ условіяхъ мирнаго проникновенія, — они *не могли*.

Трудно въ немногихъ словахъ подвести даже бѣглые итоги тѣхъ культурныхъ достижений, къ какимъ привело распространеніе русскаго колонизаціоннаго движенія на «одну шестую часть суши», изъ которой, — не надо этого забывать, — *очень значительная доля приходится на совершенно непригодныя для культуры пространства*.

Самымъ характернымъ является какъ разъ то, что при общеніи этихъ пространствъ къ культурѣ русской колонизаторъ *не останавливался ни передъ какими препятствіями*. *Казачьей удали* и самоотверженнымъ трудамъ *русскихъ ученыхъ* нисколько не уступали и *русскіе инженеры* — строители путей сообщенія, которымъ выпала главная заслуга въ дѣлѣ преодоленія пространствъ и безлюдья.

Постройка въ 1890 г. генераломъ Анненковымъ, въ знойной пустынѣ, въ безводныхъ сыпучихъ пескахъ *Закаспійской* жел. дороги, «одного изъ тѣхъ сооружений нашего времени, что наиболѣе способствовали цивилизаціи» (по отзыву иностранца). — постройка, явившаяся съ технической точки зрѣнія совершенно исключительной. Прокладка *Великаго Сибирскаго пути* и *Восточно - Китайской жел. дороги* (подъ вліяніемъ которой населеніе Маньчжуріи съ полутора милліоновъ увеличилось до 12) — общимъ протяженіемъ около 10 000 верстъ. Наконецъ, осуществленная уже во время войны постройка *Мурманской* жел. дороги, самой сѣверной въ мірѣ, за полярнымъ кругомъ, въ царствѣ вѣчной ночи и мерзлоты, въ совершенно невѣроятныхъ по трудности техническихъ условіяхъ. Таковы главнѣйшія изъ сооружений — образцы русскихъ достиженій.

«Когда на берегу Ледовитаго океана засвиститъ наконецъ первый паровозъ. — Россія въ правѣ будетъ заявить, что *ею исполнена еще разъ титаническая работа*», — писалъ англійскій «Таймсъ» въ 1915 году. Русский паровозъ уже въ 1916 г. засвистѣлъ на берегахъ Ледовитаго океана. Русская техника, въ лицѣ строителя Мурманской жел. дороги, инженера В. В. Горячкова, *поставила свой міровой рекордъ* въ дѣлѣ общенія къ культурѣ самыхъ дикихъ, самыхъ недоступныхъ мѣстностей. Исторія этой постройки, проложившей около 250 верстъ желѣзной колеи по сплошнымъ и непроходимымъ болотамъ, выполненной къ тому же въ необычайно короткій срокъ, постѣ того какъ лучшіе иностранные специалисты оказались вынужденными отказаться отъ нея. — является показателемъ того, что дала уже въ прошломъ и что сможетъ принести еще въ будущемъ русская колонизація. Ни вѣчный мракъ полярной ночи, ни непроходимыя топи и лютые холода, ни безводные пески не могли остановить распространенія русской колонизаціи и культуры, которая въ противоположность рудо-

вому колонисту — шла обычно по линіи наибольшаго сопротивленія.

Русскому народу всячески преграждали путь въ его расширеніи къ благодатному югу: — путь, который его всегда манилъ. Но нуждѣ, но волѣ враждебныхъ силъ русскій народъ долженъ былъ безъ конца двигаться отъ очаговъ культуры въ непроходимыя дебри. Но въ эти дебри онъ неизмѣнно переносилъ съ собою очаги культуры.

Не счастье усилій и жертвъ, потраченныхъ поколѣніями русскихъ людей на эту неблагодарную, часто невидную работу. Не счастье и той пользы, тѣхъ всходовъ на хорошо уже подготовленной почвѣ, какіе должны принести Россіи въ будущемъ эти труды и эти жертвы, — при условіи, конечно, что новыя поколѣнія поймутъ и оцѣнятъ, сберегутъ и используютъ преимущества, созданныя безвозвратно ушедшими . . .

Упорною, героическою работою милліоновъ тружениковъ созданы грани великой Россіи, открывающія безпредѣльныя возможности для хозяйственной предпріимчивости и мирнаго производительнаго труда. Отъ будущихъ работниковъ зависитъ использовать къ обоюдной выгодѣ всѣхъ размѣстившихся за этими гранями племень и народностей огромныя богатства русскаго Сѣвера и Юга, Востока и Запада, органически связанныя воедино русской колонизаціей.

Б. Никольскій.

СТАРЧЕСКІЕ ЗАВѢТЫ.

I.

Недавно я посѣтилъ Петра Ивановича. Старикъ ученый, подобно всѣмъ намъ изгнанный изъ Россіи, волею судьбы заброшенный въ глухія горы и живущій переводами, великолѣпными переводами, которые онъ посылаетъ въ какой-то университетъ въ Америку . . . Старикъ всегда поражалъ меня своимъ простымъ здравымъ смысломъ. Теперь, удалившись невольно отъ міра, онъ сталъ глядѣть на все какъ-то особенно просто и опредѣленно. Порою кажется, что онъ черпаетъ мысли изъ глубины окружающей его дивной природы.

Старикъ, долго не видавшій знакомаго лица, обрадовался мнѣ. Онъ угостилъ меня скромнымъ ужиномъ, и вечеромъ въ его уютной комнатѣ, подъ тихое завываніе вѣтра, полилась наша мирная бесѣда. Разговоръ невольно коснулся нашего бѣженства, далекой Родины и ея печальной судьбы. Я жаловался Петру Ивановичу на удивительную безысходность нашего положенія. Всѣ мы хотимъ спасти Россію, но какъ? и когда? Да вѣдь часто некогда не только дѣйствовать, но и думать. Такъ трудно дается даже необходимый кусокъ хлѣба.

— Такъ-то оно такъ, — задумчиво сказалъ Петръ Ивановичъ. — всѣ мы дѣйствительно хотимъ и всѣ говоримъ, что по первому зову бросимъ все и куда-то пойдѣмъ спасти Россію. А вдумались ли вы. — пойдеть ли дѣйствительно большинство по этому первому-то зову? Бросить ли съ трудомъ нажитыя крохи, жену, дѣтей, близкихъ, чтобы идти на возможную смерть и вѣрныя страданія?

— Да. — сказалъ я съ убѣжденіемъ. — я думаю, что большинство пойдеть.

— Пойдеть, — отвѣтилъ Петръ Ивановичъ. — если будетъ знать навѣрное, что предпріятіе увѣнчается успѣхомъ. Но можно ли требовать этого отъ судьбы? не слишкомъ ли много мы отъ нея ожидаемъ?

— Нѣтъ, продолжалъ онъ. вы посмотрите на это съ другой стороны. Вы — бѣженецъ. Представьте, что вамъ завтра предложить идти не въ побѣдоносный походъ съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами, а *незамѣтно* и *скромно* провезти изъ Лондона въ Вѣну маленькую бумажонку, за которой, вы знаете, будутъ сильно охотиться тѣ, кому эта бумага мѣшаетъ. Возьметесь ли вы за это дѣло, гдѣ васъ возможно ждетъ пуля, кинжалъ или иная незамѣтная и безславная смерть? Способны ли вы будете *умолчать* и *не хвастаться* въ случаѣ удачи? Готовы ли вы къ тому, чтобы неожиданно бросить все, что вамъ дорого, и рисковать своей жизнью? Готовы ли вы исполнить *непонятное для васъ* порученіе, не спрашивая о немъ? Есть ли у васъ такой начальникъ, въ мудрость и опытъ котораго вы вѣрите и приказанія котораго вы исполните безъ празднаго любоньства? А что сдѣлаетъ бѣженская масса, если у большинства нѣтъ такого лично признаннаго начальника, нѣтъ рулевого, дающаго курсъ кораблю?

— Или другое: скажемъ, завтра въ Россіи — переворотъ. Устанавливается какая-то новая власть, при которой можно работать. И вотъ вамъ предлагаютъ мѣсто школьнаго учителя въ пригородномъ селѣ. Святая задача — исправить въ конецъ испорченную молодежь. Кругомъ зеленые, — непримирившіеся съ новою властью чекисты, скрывающіеся въ лѣсахъ и грабящіе населеніе. Войскъ мало. Крестьяне относятся съ недовѣріемъ. Дѣти — форменные хулиганы. О томъ, чтобы взять туда семью, не можетъ быть и рѣчи. Опасность и страхъ на каждомъ шагѣ. Готовы ли вы въ любую минуту, скажемъ — черезъ часъ, бросить всѣхъ и все и ѣхать туда, куда призываетъ долгъ?

— Это я вамъ привелъ только два примѣра, но подобныхъ примѣровъ могутъ быть тысячи.

— Готовы ли ваши *мысли*? Настроены ли вы такъ, чтобы дѣйствительно серьезно пожертвовать всѣмъ для Родины, и не на словахъ и мечтахъ, а въ грубой дѣйствительности? Вотъ задача: *очищеніе своихъ мыслей молитвой и усиленъ воли*, какъ единственно дѣйствительный способъ; направленіе сердца «горѣ» согласно великому призыву церкви: постоянная *жертвенная готовность* въ ущербъ всѣмъ привязанностямъ, имуществу и самой жизни: *добровольное подчиненіе единой волѣ* разъ избраннаго начальника: и *умѣніе молчать*. Это задачи.

который всякій бѣженецъ можетъ и долженъ поставить себѣ и свято исполнить.

— И увѣряю васъ, добавилъ старикъ, что пока извѣстный процентъ Русскихъ не очиститъ и не приготовить подобнымъ образомъ свои мысли, будь то мужчина, женщина, старикъ или юноша, — до тѣхъ поръ, повторяю, и завѣтный часъ призыва къ служенію *не настанетъ*. Это неизмѣнный *правственный законъ природы*.

— Есть сказаніе, — продолжалъ онъ. — что гдѣ-то въ старину была страна, попавшая въ великое бѣдствіе: и было предсказано, что лишь тогда она освободится, когда найдется человѣкъ, который добровольно дастъ себя замуровать живымъ въ стѣну строящейся крѣпости. Одинъ юноша нашелся, — и страна была спасена. Но то былъ маленькій народъ, а наша Родина велика и обильна. Многое количество людей должно подобнымъ же образомъ возвыситься, — и только тогда настанетъ срокъ.

— Укрѣпить себя, исправить свои мысли: вотъ ваша работа: вотъ ваша задача. *Всякій можетъ ее дѣлать въ любой обстановкѣ*.

Старикъ замолчалъ. Луна озаряла снѣжныя вершины суровыхъ горъ. И мнѣ казалось, что и сердца людей должны стать такими же высокими, такими же бѣлыми, такими же крѣпкими и суровыми, какъ эти исполины. Послѣ зимняго подвига, подъ весеннимъ солнцемъ, растонится ихъ ледяная крѣпость, и устремятся ихъ чистые льды прозрачными ручьями въ долину. Но то будетъ весной. Во время же зимней стужи закуемся въ ледяную броню. Вѣдь наша завѣтная «весна» еще не наступила.

II.

Много думалъ я послѣ вчерашняго моего разговора съ Петромъ Ивановичемъ; заснулъ поздно, но спалъ отлично. Дивное утро въ чудной мѣстности, прозрачный горный воздухъ и яркое солнце освѣжили и ободрили меня. Петръ Ивановичъ уже ждалъ меня за утреннимъ кофе, въ уютной комнатѣ у большого окна съ видомъ на глубокую долину. Мнѣ столько хотѣлось съ него узнать, что я тутъ же сталъ продолжать интересующій меня разговоръ.

— То, о чемъ вы вчера говорили. — сказалъ я, — мнѣ кажется очень правильнымъ. Но подумайте, какъ трудно даже надъ собой работать, когда кругомъ столько раздѣленій. Много ли насъ бѣженцевъ? А смотрите, сколько партій, сколько группировокъ, и, замѣтьте — все непримиримыхъ. Молитесь ходимъ, и то въ разныя церкви, другъ друга не признающія. Вѣдь столько препятствій, что за ними не видишь даже куда и какъ идти.

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ только молча пилъ кофе и яснымъ взглядомъ смотрѣлъ на разстилающуюся передъ нами долину. Наконецъ онъ поставилъ чашку и повелъ такую рѣчь:

— Я расскажу вамъ бывший со мною случай, — началъ онъ, — быть можетъ онъ лучше многихъ рассужденій объяснить вамъ мою мысль.

Мнѣ помнится, въ бытность мою на Кавказѣ, живаль я въ Кисловодскѣ. Не въ самомъ городѣ, а внизу въ станицѣ. Я очень любилъ гулять по долинкѣ Подкумка: но туда надо было идти. Сначала, когда хаты станицы кончаются, тянутся левады — сады, огороженные заборами; и мнѣ всегда казалось досадно, особенно въ жаркій день, что заборы эти мѣшаютъ мнѣ ходить по прохладнымъ левадамъ. Затѣмъ надо было съ большимъ трудомъ обходить по грязи огромную лужу, и это тоже было очень скучно. Но вотъ сады кончаются, и тянется долина — пустая, покрытая «стенью», т. е. не паханная, съ мелкими камнями; и лишь серебряный рукавъ Подкумка да окружающія горы разнообразятъ эту картину. Но я ее любилъ; въ ней было столько какой-то первозданной задумчивости. Тамъ на дорогѣ есть гора, называется она Красивый Курганъ. Она дѣйствительно красива: не очень высокая и островерховая, какъ курганъ. Я подолгу любовался ею и тихо радовался, на нее глядя.

И вотъ, разъ дошелъ я до «Крутого Спуска»; такъ называется извилистая дорога, круто поднимающаяся на Боргустанъ — высокій гребень, которымъ оканчивается плоскогорье. Медленно и съ трудомъ я взобрался наверхъ . . . и остановился восхищенный. День былъ ясный. Передо мной разстлалась цѣпь горъ, а тамъ, далеко, тянулся снѣжный хребетъ Кавказа, столь близкій своей яркой бѣлизной. Отъ Эльборуса и до Казбека все переливалось ледянымъ сіяніемъ. Я забылъ уста-

тость и забылъ все. Только глаза не могли оторваться от чудной картины, созданной Богомъ.

Насладившись вдоволь, я съѣлъ на землю и сталъ думать о томъ, какъ я сюда вошелъ. И все вспомнилъ: заборы и препятствія, красивый курганъ и крутой, тяжелый подъемъ. Съ любопытствомъ взглянулъ я внизъ въ долину, желая посмотреть, гдѣ все это осталось. И что же?.. Вдали мелкими точками бѣлѣли хаты станицы: о препятствіяхъ и заборахъ не было и помину: съ такой высоты ихъ вовсе не было видно. Красивый Курганъ съ горы тоже не былъ замѣтенъ — какъ мелкая выпуклость, онъ слился съ долиной. Подъемъ еще ясно различался у самага обрыва, а внизу онъ терялся въ прозрачномъ туманѣ. Уйди я пемного дальше — я забылъ бы и про обрывъ. Мелочи ушли, и видно было только главное направленіе долины. Понимаете ли? — спросилъ онъ.

Вотъ и въ нашей жизни все такъ же. Препятствія кажутся неодолимыми. Мелкія радости слишкомъ долго останавливаютъ нашъ взглядъ. Тяжелыя затрудненія, какъ трудный подъемъ, смущаютъ нашу рѣшимость. Но *поднимитесь хоть немного на гору*, и вы увидите, что подниматься уже не такъ трудно, что препятствія какъ-то странно уменьшились, и что красивые мелочи въ общемъ все же *мелочи*, а *надо смотреть наверхъ, къ Богу*. У Него и самъ подынешься, и только Онъ укажетъ, какъ спасти гибнущую Родину.

Но вы скажете: какъ же подняться въ жизни? Есть много способовъ. Поднять нужно *себя*. Прежде чѣмъ поднимать другихъ — нужно *самому подняться*. Надо стараться периодически сбрасывать съ себя гири — низкія страсти, притягивающія къ землѣ. Нужно облегчать свою душу *молитвой*. Нужно возвышать себя исполненіемъ долга и дѣлами любви и милосердія, не мечтами объ этомъ, но — подчеркиваю *дѣлами*; и все это *въ обычной жизни*. Такое ужъ теперь тяжелое время, что тотъ, кто не хочетъ завязнуть въ болотѣ современнаго ужаса — *долженъ возвышаться*. Вотъ какъ поднимаются на Божью гору. Надо помнить, что мелкимъ вещамъ и препятствіямъ нужно удѣлять лишь мелкую мысль. Высокая и сильная мысль — только къ Высокому и Сильному — къ Богу.

— А какъ же раздѣленіе въ церквахъ? — спросилъ я.

— Церковь. — сказалъ Петръ Ивановичъ. — есть вѣрный путь на вершину, съ опытными проводниками. Дорога на-

верхъ утомительна и идти по обрывамъ. Вы, можетъ быть, думаете, что знаете дорогу. но берегитесь. чтобы не упасть. Идите съ Церковью: даже съ опытными проводниками нѣкоторые обрываются. но безъ нихъ идти не совѣтую. Вы только не сомнѣвайтесь, что ваша Церковь есть путь вѣрнѣйшій и кратчайшій. Вы можете личнымъ примѣромъ и другимъ показать, что вашъ путь скорѣе приведетъ къ завѣтной цѣли. *Примѣръ — единственно сильное убѣжденіе.* Но не ругайте и не проклинаяте тѣхъ, которые къ той же цѣли идутъ другими дорогами. Напротивъ, помогайте имъ: они вамъ друзья; они идутъ туда же. Пожалѣйте, что ихъ путь длиннѣе вашего, но не опрскидывайте ихъ въ бездну только потому, что они, въ силу привычки, пожелали идти по своей дорогѣ. Если они искренны, вѣрьте, что и они дойдутъ. — и тогда все будутъ вмѣстѣ. Чуждайтесь и опасайтесь *только тѣхъ, которые сознательно идутъ по дорогамъ, ведущимъ внизъ.* Эти вамъ безусловно не по пути. Божья любовь и внутренняя совѣсть укажутъ вамъ разницу. Но главное — *подымайте себя,* — тогда вѣрнѣй ее увидите.

Говорятъ, что знаменитый Митрополитъ Московскій Платонъ, бывъ однажды спрошенъ о раздѣленіяхъ въ Церквахъ, замѣтилъ, что онъ надѣется, что земныя перегородки не дорастаютъ до неба.

Помните только одно: для того, чтобы правильно рассуждать о раздѣленіяхъ и препятствіяхъ — нужно знать. Чтобы знать, какъ слѣдуетъ — нужно подняться выше, дабы не путать важнаго съ мелочью. А пока вы внизу — вѣрьте тѣмъ, которымъ вы довѣрились, и которые, стоя выше — лучше и видятъ. А ихъ выбирайте *по указанію своей совѣсти.*

Но, пойдите гулять. — добавилъ онъ, — мы поднимаемся на гору. и я вамъ на практикѣ докажу правильность моей теоріи.

И мы пошли.

Графъ Г. А. Шереметевъ.

І. РУССКАЯ ОРГАНИЗАЦІОННАЯ СПОСОБНОСТЬ.

Организаціонная способность русскаго народа есть одна изъ труднѣйшихъ загадокъ человѣческой исторіи. Народъ, создавшій государство. — по размѣрамъ территоріи *второе* въ мірѣ, а по численности населенія *третье* *); одолѣвшій все препятствія суроваго климата, континентальнаго массива, лѣсовъ, болотъ и степей, пестрой разноплеменности, разноязычія и разновѣрія **), незащищенности границъ, татарскаго ига и непрерывныхъ вѣковыхъ войнъ ***); и при всемъ томъ не только не растратившій своихъ душевно-духовныхъ силъ, но соблюдавшій свой національный ликъ и явившій его другимъ народамъ въ величіи и красотѣ — долженъ былъ бы обладать исключительнымъ организаціоннымъ даромъ и умѣніемъ... И въ то же время этотъ народъ обнаруживаетъ на протяженіи всей своей исторіи склонность къ внутреннимъ несогласіямъ и распрямъ, которыя въ среднемъ разѣ въ сто лѣтъ принимаютъ форму смуты, междуусобія или революціонной рѣзни... Междуусобствовали русскіе люди въ періодъ удѣловъ: ссорились и ходили другъ на друга подъ татарскимъ игомъ; разложили и чуть не погубили свою страну въ великой смутѣ; рѣзались въ годину Разина; бунтовали безнечь при Петрѣ Великомъ; опять рѣзались въ годину Пугачева: раскачивали рѣзнию въ лицѣ декабристовъ и народовольцевъ; и въ началѣ двадцатаго вѣка въ два пріема раскачали ее такъ, что міровая исторія не можетъ вспомнить подобнаго кровопролитія...

Какъ же совмѣщается въ русской дунѣ эта способность къ организаціонному творчеству (и въ большемъ, и въ маломъ масштабѣ) — съ этой тягой къ распрѣ и смутѣ, къ разложенію и анархіи? Почему наши враги, хулители и предатели могутъ съ такой развязной увѣренностью твердить о нашей организаціонной бездарности и немощи? И что мы можемъ отвѣтить имъ, ликующимъ и грозящимъ въ часть

*) См. «Русскій Колоколъ», книгу первую, статьи: «Русская территория» и «Населеніе Россіи».

***) См. «Русскій Колоколъ», книгу вторую, статью «Историческое бремя Россіи».

***) См. «Русскій Колоколъ», книгу третью, статью Б. А. Никольскаго: «Войны Россіи».

нашего развала и лихолѣтья? Вѣдь у сосѣдичи нанихъ даже басня (несправедливая) по этому поводу сложена, будто «одинъ нѣмецъ — ничто, два нѣмца — организація, три нѣмца — порядокъ: одинъ русскій — талантъ, двое русскихъ — распря, трое русскихъ — скандалъ и хаосъ...» Гдѣ же правда?

Установимъ съ самаго начала, что русская душа дѣйствительно таитъ въ себѣ большую организаціонную способность или, если угодно, удобо-организуемость.

Первымъ доказательствомъ тому является *русская армія*. Россія, обороняясь и закрѣпляя свои рубежи, провоевала всю свою исторію. Съ арміею, неподдающейся крѣпкой спайкѣ на фронтѣ и въ тылу — она не просуществовала бы и ста лѣтъ: она не одолѣла бы татаръ, не отразила бы поляковъ, шведовъ и турокъ, не выдержала бы военныхъ напряженій 18 и 19 вѣка. Это доказываетъ, что русскій народъ, *добываясь организаціи, радъя о ней, умѣетъ организовываться отнюдь не хуже своихъ сосѣдей*.

Ясно также, что *за* русской арміею въ теченіе всей исторіи стоялъ слагавшій ее, обучавшій, водившій и кормившій ее русскій *государственный центръ*; тотъ самый центръ, который своимъ искуснымъ политическимъ домоводствомъ собралъ Россію воедино), который замирялъ и замирилъ ее, который блюлъ русскіе интересы, осторожно направлялъ великій процессъ русской колонизаціи^{*)}, ограждалъ и насаждалъ ея земледѣліе, промышленность и торговлю, строилъ русскія дороги^{**)} и каналы, закрѣпилъ и потомъ освободилъ русскія сословія и, наконецъ, создалъ и взростилъ русское просвѣщеніе.

Не смѣнно ли говорить о русской организаціонной бездарности и помощи?

Однако столь же неосновательно и смѣнно было бы утверждать, что удобо-организуемость русскаго человѣка всецѣло зависитъ отъ *приказа* и *принужденія государственнаго центра* и что, предоставленные сами себѣ, русскіе люди быстро превращаются въ общественную пыль. Вся исторія Россіи не соответствуетъ этому.

Такъ, Россія искони знала *дѣльное и сословное самоуправленіе*, начиная отъ древнихъ торговыхъ городовъ, «вервей» и «погостовъ» (XII вѣкъ); восходя къ тяглымъ «обществамъ» и «мірамъ», «чернымъ сотнямъ» и «слободамъ», къ казачеству съ его великимъ колонизаціоннымъ движеніемъ на окраинахъ юга и востока; кончая позднѣйшимъ самоуправле-

*) См. «Русскій Колоколь», книгу третью, статью Н. И. Ланно: «Московскіе князья собиратели».

**) См. «Русскій Колоколь», книгу пятую, статью Б. А. Никольскаго: «Русская колонизація».

**) См. «Русскій Колоколь», книгу пятую, статью А. И. Бунге: «Великій сибирскій путь».

нiемъ — дворянскимъ. купеческимъ. мѣщанскимъ, крестьянскимъ и, наконецъ, *земствомъ* и *городомъ* послѣдняго вѣка. Столѣтiями вынашивало это самоуправленiе свой особый укладъ — въ избранiи. въ разверсткѣ. въ учетѣ и въ круговой отвѣтственности. а въ дальнѣйшемъ — во внутреннемъ самообложенiи и въ удовлетворенiи ряда важнѣйшихъ мѣстныхъ интересовъ и нуждъ. Оно вырабатывало и свое *обычное право*, имѣвшее особенное значенiе въ *крестьянскомъ* самоуправленiи.

Однако и помимо этого организаторства. такъ или иначе оформленнаго государствомъ. Россiя знала самоуправленiе *церковное* — *приходъ*, *монастырь* и *церковный соборъ*. Просмотрѣть монастырскую культуру на Руси — религiозную, нравственную. умственную и хозяйственную — значило бы поистинѣ просмотрѣть слишкомъ многое.

Съ древнѣйшихъ временъ, еще съ XII вѣка. Россiя вырабатывала, далѣе, замѣчательную — одновременно *строгую* и *гибкую* — культуру *артелей*, истинное созданiе народнаго организаторскаго таланта. Этой формой дѣловой самоорганизации Россiя была пронизана сверху до низу: артели рабочiя, биржевыя и комиссионныя — слагались и работали повсюду вѣками. никѣмъ не насаждаемыя и едва регламентируемыя закономъ. Только этимъ долгимъ опытомъ и объясняется возможность того бурнаго расцвѣта *кооперативнаго* дѣла. который Россiя переживала за послѣднiя десятилѣтiя.

Нельзя не упомянуть о русскомъ *хоровомъ* и *музыкальномъ* организаторствѣ. Знатоки хорового дѣла прямо указываютъ на исключительную способность славяно-русскаго племени къ многоголосовому пѣнiю. которое ведется *по слуху*, *вѣрно* и *безъ подготовки*. Для человѣка. понимающаго душевнодуховную сущность пѣнiя и музыки, одно это наблюденiе само по себѣ могло бы предвѣстить вопросъ о способности русскаго человѣка къ самоорганизации. Отсюда достиженiя русскихъ хоровъ, знаменитая культура кiевскихъ распѣвовъ, расцвѣтъ церковнаго пѣнiя при Юаннѣ Грозномъ. позднѣйшiе хоры (Славянскаго. Архангельскаго. Императорской капеллы. синодальный. чудовской. московскаго Большаго театра) и русскiе симфоническiе оркестры.

Къ этому ряду явленiй необходимо отнести и русскiе *частныя театры*, особенно московскiй Художественный театръ, это истинное чудо организации; многочисленныя *частныя* (среднiя и высшiя) *учебныя заведенiя*; благотворительныя общества: московскiя университетскiя клиники. и многое, и многое другое.

Нужна поистинѣ партiйная или вражеская ослѣпленность для того. чтобы все это замалчивать или отрицать . . .

Однако. наша основная загадка этимъ, конечно, не разрѣшается. Ея разгадку и объясненiе надо искать въ слѣдующемъ.

Организаціонная способность русскаго человѣка *не воспитана, не закрѣплена характеромъ и чувствомъ долга* и отнюдь *не механизирована* (какъ у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ). Русскій человѣкъ *первобытенъ и органиченъ* въ своемъ организаторскомъ дѣлѣ. Поэтому онъ создаетъ успѣшно тамъ, гдѣ онъ *вѣритъ и любитъ*, гдѣ онъ *имѣетъ талантъ и вдохновеніе*. Но тамъ, гдѣ онъ незаинтересованъ, гдѣ онъ безразличенъ, холоденъ или не чувствуетъ призванія, тамъ онъ быстро распускаетъ вниманіе и волю, становится лѣнивъ и небреженъ, и слабохарактерно предается страстнымъ и корыстнымъ влеченіямъ. А такъ какъ жизнь отнюдь не состоитъ изъ однихъ удовольствій и человѣку всегда нужны *огромныя усилія для самопонужденія*, то соблазнъ двинуться по линіи наименьшаго сопротивленія, по линіи корысти и страстей — становится для русскаго человѣка слишкомъ часто легкимъ и близкимъ. Отъ этого обсыпанія и разложенія его удерживали обычно только три силы: *вѣра въ Бога, вѣра въ вожда и государственное понужденіе*; четвертую силу, *силу личного характера и правосознанія*, и пятую силу — *силу высокаго и устойчиваго общественнаго мнѣнія* — въ Россіи только еще *предстоитъ создать*.

Религія строила Россію: *вѣра* крѣпила характеръ и чувство долга, будила добрую волю и совѣсть, подвигала на героизмъ; *приходъ* училъ добросовѣстной организаціи; *монастырь* училъ трудолюбію, жертвенности, безстрастію и нищелоюбію.

Сильные вожди строили Россію: активныя, дальновзоркія, распорядительныя, требовательныя, упорядочивающія, неутомимыя, вдохновенныя. Русскій человѣкъ даровитъ и терпѣливъ; онъ цѣнокъ, изворотливъ, выносливъ и способенъ удовлетворяться малымъ. Но ему нужно *вѣрить въ вѣдущаго* для того, чтобы *вдохновляться* и тѣмъ дѣломъ, которое само по себѣ его *не вдохновляетъ*; для того, чтобы *закрѣпить свою нерышительность рѣшеніемъ вожда*. Вотъ почему русская душа всегда видитъ сны о *волевоомъ гигантѣ*, вѣрить въ котораго есть *счастье* и служить которому есть *спасеніе*. И дѣлятся русскіе люди не на «вѣрящихъ въ вожда» (монархистовъ) и «невѣрящихъ въ вожда» (республиканцевъ), а на такихъ, которые вѣрятъ въ *злодѣйскаго вожда*, и на такихъ, которые вѣрятъ въ *благороднаго вожда*: всѣ же остальные — суть сами неудавшіеся «вожди», требующіе «равенства» изъ зависти и честолюбія.

Такъ разрѣшается наша основная загадка. *Безвдохновенная лѣнь* и *голодное честолюбіе* суть двѣ основныя силы, которыя подрываютъ русскую организаціонную способность. Эта способность сама по себѣ велика; а величіе ея историческаго призванія единственно въ своемъ родѣ. Но для того, чтобы эта способность проявилась въ полной мѣрѣ, необходимъ *живой, творческій интересъ къ дѣлу, вѣра, любовь и вдохновеніе*. Нѣтъ этихъ условій — и начинаются соблазны и колебанія. А если

къ тому же поколеблется религиозное чувство, отпадетъ государственное понужденіе и своевременно не найдется благороднаго вождя, то разнузданіе злыхъ страстей и организаціонное распаденіе станеть неизбѣжнымъ. Понятно, что появленіе *злойскаго вождя* завершитъ эту трагедію.

Отсюда ясны и пути спасенія.

Старый Политикъ.

II. РУССКАЯ ВООРУЖЕННАЯ СИЛА ВЪ 1914 ГОДУ.

Численность русской вооруженной силы въ мирное время къ 1914 году достигала 1 423 000. Съ объявленіемъ общей мобилизаціи призывалось еще 3 115 000 людей, которые представляли собой весь запасъ военнообученныхъ людей до 38-лѣтняго возраста включительно. Изъ нихъ около 2 100 000 предназначалось для доведенія воинскихъ частей до штатовъ военного времени, а также для формированія новыхъ частей; остальные 1 000 000 шли на формированіе запасныхъ войскъ и учрежденій глубокаго тыла.

Кромѣ призыва чиновъ запаса арміи, нашъ мобилизаціонный планъ предвидѣлъ еще призывъ ополченія. Последнее раздѣлялось на два разряда.

Въ первый разрядъ зачислялись всѣ чины запаса арміи послѣ 38-лѣтняго возраста до 43-лѣтняго включительно. Это составляло около 400 000 получившихъ воинское обученіе людей, но уже преклоннаго возраста. Кромѣ того, въ первый разрядъ ополченія зачислялись молодые люди, которые за излишествомъ не попадали при очередномъ призывѣ въ войска. Они получали совершенно недостаточное обученіе во время нѣсколькихъ краткосрочныхъ учебныхъ сборовъ.

Во второй разрядъ ополченія попадали лица, освобожденныя отъ поступленія при призывѣ въ войска согласно широко предоставленнымъ нашимъ закономъ льготамъ. Ратники второго разряда никакого воинскаго обученія не получали. Точный учетъ чинамъ ополченія велся лишь для лицъ, прошедшихъ черезъ армію и для четырехъ младшихъ возрастовъ перваго разряда. Поэтому общую численность ополченія можно опредѣлить лишь приблизительно цифрою отъ 7 000 000 до 10 000 000.

Мобилизаціонный планъ не обнималъ всего ополченія въ той же подробности, какъ запасъ арміи. Предполагалось возможнымъ ограничиться лишь ополченіемъ перваго разряда. Изъ этого ополченія формировались ополченскія дружины.

предназначенныя для несенія тыловой службы и. главнымъ образомъ. для гарнизонной службы внутри Имперіи на замѣну ушедшей полевой арміи. Это составляло около 800 000 людей.

Ополченскія дружины были вооружены старыми, не скорострѣльными ружьями 1878 г., такъ называемыми Берданками. *Никакой боевой силы они собой не представляли.* Тѣ изъ нихъ, которыя были притянуты на театр военныхъ дѣйствій, примѣнялись лишь какъ *рабочая сила* или *этапныя части*. Въ этомъ отношеніи наше ополченіе *рѣзко отличалось* отъ ландштурма Германіи и Австро-Венгріи. Тамъ части ландштурма смогли принять участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ съ первыхъ дней войны. Въ Германіи изъ ландштурма по преимуществу и со- ставилась та завѣса, которая закрыла ея границу (Grenzschutz) . . .

У насъ изъ ополченія перваго разряда должны были также формироваться запасные батальоны второй очереди, на что предназначалось еще 1 000 000 ратниковъ.

Такимъ образомъ, нашъ мобилизаціонный планъ охватывалъ всего около 6 500 000, причемъ *телеграммой и Высочайшимъ указомъ объ общей мобилизаціи поднимался только запасъ арміи*, т. е. 3 115 000, тогда какъ ратники ополченія перваго разряда призывались впоследствии особыми Высочайшими манифестами.

Наши перволинейныя войска въ отношеніи *боевыхъ качествъ* и *тактической подготовки* были на *должной высотѣ*.

Неудачи японской войны не поколебали традицій старыхъ частей, знамена которыхъ участвовали во многихъ побѣдахъ прежнихъ временъ. Цѣною крови на поляхъ Манчжуріи противъ первокласснаго непріятели былъ купленъ *боевой опытъ новой тактики*. Въ 1914 году въ рядахъ нашихъ войскъ находилось большое число командировъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, прошедшихъ лучшую военную школу — *школу войны*.

Плѣтота въ значительной мѣрѣ отрѣшилась отъ пережитковъ въ видѣ массивныхъ цѣпей и стремилась обосновать свои боевыя дѣйствія на *работѣ звеньевъ*. *Стрѣлковое дѣло* было поставлено *выше, чѣмъ въ любой арміи міра*. Въ этихъ отношеніяхъ русскія перволинейныя войска оказались лучше подготовленными, нежели противники. Самому автору приходилось неоднократно быть свидѣтелемъ въ первыхъ бояхъ, насколько наши пѣхотные полки были болѣе «современными». Не только австро-венгры, но и нѣмцы появились въ этихъ бояхъ съ массивными построениями въ видѣ густыхъ цѣпей и представляли выгодныя цѣли для нашей полевой артиллеріи, а также для ружейнаго огня нашихъ стрѣлковъ. Этимъ отчасти искупалось въ первыхъ бояхъ невыгодное для насъ различіе въ огневой силѣ нашихъ дивизій и таковыхъ же противника.

Наша полевая артиллерія въ смыслѣ умѣнья использовать свойства современной скорострѣльной пушки превосходила не

только артиллерию противника, но и французскую, всегда занимавшую почетное первое мѣсто. Въ этомъ намъ пришлось лично убѣдиться. Въ 1910 году автору пришлось присутствовать во Франціи на артиллерійскихъ упражненіяхъ въ Майлли (Camp de Mailly). Онъ былъ крайне удивленъ тѣмъ, что увидѣлъ: въ стрѣльбы велись на небольшихъ дистанціяхъ (3 версты): командиры батарей управляли огнемъ, не примѣняя телефонной связи: вслѣдствіе этого они не отдалялись далѣе 50 метровъ отъ батарей, а послѣднія не могли вполне использовать закрытыя позиціи. Русская полевая артиллерія послѣ японской войны далеко шагнула впередъ. Она обучалась стрѣльбѣ на *всѣ дистанціи; закрытыя позиціи и телефонная связь* являлись *нормой*, а не исключеніемъ, какъ во Франціи.

Интересно привести здѣсь оцѣнку того впечатлѣнія, которое произвела на нѣмцевъ первая боевая встрѣча съ нашими войсками на Гумбиненскомъ полѣ сраженія. «... 7 (20) августа, впервые послѣ полутора столѣтій. — нищеть германскій полковникъ Рудольфъ Францъ («Der Große Krieg 1914—1918», herausgeg. von M. Schwarte, стр. 289), встрѣтились въ большомъ сраженіи пруссаки и русскіе. Русскіе показали себя, какъ очень серьезный противникъ. Хорошіе по природѣ солдаты, они были дисциплинированы, имѣли хорошую боевую подготовку и были хорошо снаряжены. Они храбры, упорны, умѣло примѣняются къ мѣстности и мастера въ укрытомъ размѣщеніи артиллеріи и пулеметовъ. Особенно же искусны они оказались въ полевой фортификаціи: какъ по мановенію волшебнаго жезла вырастали у нихъ рядъ расположенныхъ другъ за другомъ окоповъ...»

Сравнивая *тактическую подготовленность* нашей перволинейной кавалеріи съ нѣмцами, нужно отдать справедливость, что послѣдняя была болѣе «современной». Русская конница не смогла окончательно отрѣшиться отъ устарѣлой «доктрины шока». Но въ Австро-Венгріи и у державъ Согласія дѣло обстояло во много разъ хуже; такъ на примѣръ французскія кавалерійскія дивизіи выступили въ 1914 году имѣя въ своемъ составѣ каждая кирасирскую бригаду *въ кирасахъ*; эти бригады предназначались для нанесенія coup de collier въ минуту ожидаемаго шока!

Мы считаемъ себя вправе утверждать, что въ 1914 году *кадры русскихъ войскъ* должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ, какъ по сравненію съ нашими бывшими союзниками, такъ и съ бывшими противниками.

Н. Н. Головинъ.

III. РОССИЙСКОЕ КОННОЗАВОДСТВО ДО РЕВОЛЮЦИИ.

Нѣтъ другого государства, въ которомъ лошадь имѣла бы такое важное хозяйственное и даже государственное значеніе, какъ въ Россіи. Причиной этому являются: преобладаніе сельскаго населенія надъ городскимъ; ограниченное примѣненіе для тяги другихъ животныхъ (мулы, ослы, волю, верблюды), мало развитая сѣть желѣзныхъ дорогъ и каналовъ; глубокой снѣжный покровъ и плохое состояніе грунтовыхъ дорогъ, препятствующее широкому примѣненію механическихъ двигателей; наконецъ, необходимость содержать огромную армію и, въ частности, самую большую въ мірѣ конницу.

Россійская Имперія по количеству лошадей (въ 1913 г. 37½ милл.) занимала *первое* мѣсто среди всѣхъ государствъ, но по густотѣ конскаго населенія она значительно уступала большинству европейскихъ странъ и даже С.-А. Соединеннымъ Штатамъ, что объясняется суровымъ континентальнымъ климатомъ, огромной площадью тундръ, болотъ и лѣсовъ, а, въ мѣстностяхъ благопріятныхъ для конеразведенія, преобладаніемъ крестьянскихъ «карликовыхъ» зерновыхъ хозяйствъ, страдающихъ, какъ недостаткомъ кормовыхъ средствъ, такъ и недостаткомъ простора, необходимаго для воспитанія молодняка. Разумная аграрная реформа и связанная съ нею общая интенсификація сельскаго хозяйства, оказали бы въ этомъ отношеніи благодѣтельное вліяніе, что съ несомнѣнностью доказали, увы, недолго просуществовавшіе, сметенные революціоннымъ ураганомъ «Столыпинскіе» хутора.

Тѣмъ не менѣе, конское богатство Имперіи было огромно: недостатка въ лошадяхъ не ощущалось, несмотря на значительное, съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, сокращеніе табуннаго коневодства (киргизовъ, калмыковъ, кабардинцевъ) вслѣдствіе распашки степей. Качество лошадей замѣтно улучшилось подъ вліяніемъ мѣропріятій государственнаго коннозаводства и нѣкоторыхъ земствъ. За періодъ 1908—1912 г.г. цѣны на лошадей поднялись на 62%, что объяснялось замѣной ими воловъ на югѣ Россіи, значительнымъ поднятіемъ ремонтныхъ цѣнъ (бывшихъ до того убыточными для производителей), поднятіемъ общаго благосостоянія страны и усиленіемъ вывоза лошадей, который въ 90-хъ годахъ колебался между 50—59 тысячъ, но затѣмъ, постоянно увеличиваясь, достигъ въ 1913 году 107 тысячъ головъ. При дальнѣйшемъ рационализированіи сельскаго хозяйства цифра эта несомнѣнно сильно возросла бы, въ чемъ убѣждаетъ насъ примѣръ маленькой Даніи, экспортирующей ежегодно 24 000 лошадей.

Россія—страна по преимуществу мелкаго землевладѣнія и землепользованія, поэтому естественно, что 90% конскаго состава принадлежало крестьянамъ, казакамъ и колонистамъ:

остальные 10% распределялись между крупными землевладельцами, городами и армией. Но обезпечение крестьян лошадьми было далеко не однообразно, какъ по областямъ (въ Европейской Россіи на 100 душъ сельскаго населенія 18,1, въ Сибири 51,8 лошадей), такъ и въ каждой данной мѣстности. Возьмемъ для примѣра славившуюся своими лошадьми Тамбовскую губернію. Въ 1898 г. у частныхъ землевладельцевъ было 57½ тыс. лошадей, изъ коихъ 66% взрослыхъ; у крестьянъ 600 тыс., взрослыхъ 67%; обѣ группы имѣли одинаковый процентъ молодняка и какъ будто въ одинаковой степени занимались конеразведеніемъ. Въ дѣйствительности же безлошадныхъ дворовъ было 30,4%, съ 1—2 лошадьми 46,2%, съ 3-мя и выше 23% и только послѣдняя группа была коневодческой. Уродливое явленіе безлошадныхъ сельскихъ хозяевъ—результатъ аграрнаго перенаселенія, дробленія крестьянскихъ надѣловъ, невозможности использовать трудъ лошади внѣ своего хозяйства. Нѣкоторые мѣстности славились своимъ крестьянскимъ коневодствомъ, напр., губерніи Воронежская и Тамбовская. Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губерніи. Суздальскій уѣздъ Владимірской губерніи. Елисаветградскій уѣздъ Херсонской. Кузнецкій уѣздъ Томской. нѣмецкія колоніи Таврической губерніи.

Подворное коневодство удовлетворяло потребности сельскаго населенія, давало дешевую экспортную и городскую лошадь, артиллерійскую, а въ нѣкоторыхъ казачьихъ войскахъ и строевую казачью.

Частныхъ конныхъ заводовъ было до 3000. Общее поголовье ихъ, сравнительно съ численностью крестьянскихъ лошадей, было, разумѣется, незначительно, но государственное значеніе ихъ было огромно. Они производили ремонтную кавалерійскую и отчасти артиллерійскую лошадь, высшіе сорта городской и экспортной и, что важнѣе всего, они были источникомъ, откуда государственное коннозаводство, земства и казачьи управленія получали породистыхъ жеребцовъ для удовлетворенія ежегодно возрастающихъ потребностей подворнаго и степного коневодства. Слѣдуя за переселенцемъ, жеребцы, родившіеся на Дону, въ центральныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ, шли въ Закавказье, Семирѣчье, Забайкалье. Многие конные заводы играли роль разбросанныхъ по всей странѣ опытныхъ и показательныхъ зоотехническихъ станцій, имѣвшихъ плодотворное вліяніе на окрестное коневодство. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей замѣтки не даютъ возможности перечислить наиболѣе выдающіеся заводы, но не могу не упомянуть о совершенно своеобразной коннозаводческой организаціи (переходные формы отъ частнаго коннозаводства къ казенному), подобной которой по замыслу и размѣрамъ *не было въ мірѣ*, о такъ называемомъ Донскомъ частномъ коннозаводствѣ въ Задонской степи, Донской области.

Здѣсь, въ 60-хъ годахъ. 845 тыс. десятинъ войсковой земли, частью непригодной для хлѣбонашества, были заарендованы военнымъ вѣдомствомъ и переданы, тоже на арендномъ правѣ, коннозаводчикамъ, съ обязательствомъ, подъ правительственнымъ надзоромъ, производить и сдавать по дешевой цѣнѣ определенное число ремонтныхъ лошадей. Достигнутые результаты были блестящи. Задонскіе «зимовники» отъ 25 тыс. матокъ давали ежегодно 7 тысячъ сурово воспитанныхъ, однородныхъ, мощныхъ коней, отвѣчающихъ всѣмъ современнымъ кавалерійскимъ требованіямъ. Донскія группы на выставкахъ Всероссийской Конской въ Москвѣ въ 1910 г. и Областной Сельско-Хозяйственной въ Кіевѣ въ 1913 г. вызвали восторгъ посѣтителей и не однихъ только русскихъ. У управляющаго прусскимъ государственнымъ коннозаводствомъ оберъ-ландшталамейстера фонъ-Эттингена, пресмика и ученика извѣстнаго ишолога графа Лендорфа, глаза разбѣжались при видѣ донскихъ матокъ, но всѣ его попытки приобрести послѣднихъ въ значительномъ количествѣ — разбились о несогласіе какъ коннозаводчиковъ, такъ и заинтересованныхъ правительственныхъ органовъ.

Стремясь удовлетворить на самыхъ льготныхъ основаніяхъ потребность населенія въ хорошихъ производителяхъ, государственное коннозаводство содержало при 44 заводскихъ конюшняхъ свыше 7 000 жеребцовъ, распределенныхъ отъ западной границы до Забайкалья и отъ Вологды до Тифлиса. Жеребцы эти проиобрѣтались частью у коннозаводчиковъ, частью поступали изъ исключительно для этой цѣли учрежденныхъ государственныхъ конскихъ заводовъ. Въ моментъ объявленія войны послѣднихъ было 12. Изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ Хрѣновской въ Воронежской губерніи, проиобрѣтенный въ казну въ 1845 году отъ настѣдниковъ графа Орлова-Чесменскаго, создавшаго путемъ удачнаго сочетанія кровей арабской, благородной датской изъ знаменитаго королевскаго завода и рысистой голландской — всемірно извѣстнаго орловскаго рысака. Созданная графомъ порода была въ теченіе почти цѣлаго вѣка главнымъ улучшающимъ элементомъ въ Россіи, а въ періодъ 1860—1880-хъ годовъ русскіе рысаки въ качествѣ цѣннаго заводскаго матеріала вывозились во Францію, Венгрію и другія страны.

Въ Хрѣновомъ, кромѣ рысаконъ, разводились иностранные тяжеловозы; всего содержалось свыше 300 матокъ. Группа Вѣловодскихъ заводовъ, состоящая изъ заводовъ Деркульскаго, Стрѣлскаго, Лимаревскаго и Ново-Александровскаго, производила чистокровно-англійскихъ лошадей, арабскихъ и полукровныхъ этихъ породъ; въ нихъ числилось свыше 500 матокъ. Яновскій, въ Холмщинѣ, имѣлъ 110 чистокровныхъ и высококровныхъ англійскихъ. Заводъ чрезвычайно цѣнныхъ скаковыхъ лошадей «Имени М. И. Назарева», пожертвованный

въ казну его вдовой, находился подъ Полтавой. Асхабадскій разсадникъ знаменитой Ахаль-Текинской породы имѣлъ 30 матокъ. Насколько эти лошади цѣнятся знатоками, видно изъ того, что ахальскій жеребецъ, купленный въ 1913 году вышеупомянутымъ фонъ-Эттингеномъ, былъ зачисленъ въ Германіи въ производителѣ Тракененскаго государственнаго завода.

Кромѣ того, «степные разсадники» Оренбургскій, Орскій и Кустанайскій имѣли около 1½ тыс. матокъ степныхъ породъ.

Можно съ гордостью констатировать, что затраты правительства на государственное коннозаводство и работа нѣсколькихъ поколѣній коннозаводчиковъ и коневодовъ не пропали даромъ.

Насколько высоко стояло въ Имперіи конское дѣло, видно по тому, что въ послѣдніе, предвоенные года, ремонтное арміи, имѣвшей въ своемъ составѣ безъ малаго 400 тыс. лошадей, *не представляло никакихъ затрудненій*. Регулярная кавалерія состояла изъ 400 эскадроновъ по 148 коней въ каждомъ, кромѣ запасныхъ кавалерійскихъ полковъ, въ которыхъ выѣзжались молодыя лошади; казачьихъ сотенъ 1-ой и 2-ой очереди было 800, затѣмъ пограничная стража, артиллерія, пѣхотныя, пулеметныя, конно-ординарческія и инныя команды. Во время же войны страна выставила добавочно не менѣе 2 милліоновъ головъ и, по общимъ отзывамъ, русская лошадь, какъ кавалерійская, такъ и артиллерійская, вполне оправдала возлагавшіяся на нее надежды, оказавшись притомъ болѣе выносливой и менѣе требовательной по сравненію со своими западно-европейскими собратьями.

Князь Н. Щербатовъ.

IV. О КАЧЕСТВѢ РУССКАГО ДОВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА.

Отсталость русской промышленности и невозможность для нея конкурировать съ заграничными товарами сдѣлались настолько общимъ мѣстомъ, что настоящая попытка объективно подойти къ нашему довоенному производству и установить качественную высоту многихъ его продуктовъ можетъ показаться кому-нибудь неожиданной и странной. Однако давно уже пришло время спросить себя, не проглядѣли ли мы въ нашемъ прошломъ, въ поискахъ «лучшаго будущаго» такихъ достиженій, которыя стали видны намъ только теперь, только здѣсь на чужбинѣ? И вотъ, безпристрастный изслѣдователь русскаго народнаго хозяйства несомнѣнно отвѣтитъ «да, проглядѣли».

Мы проглядѣли безпримѣрные успѣхи, которые въ конечномъ итогѣ способны были выдвинуть Россію на одно изъ пер-

выхъ мѣсть въ ряду промышленныхъ государствъ міра. На этихъ качественныхъ успѣхахъ мы и остановимся.

«Громаднымъ протяженіемъ своей территоріи, разнообразіемъ своего производства, богатствами своихъ нѣдръ, въ особенности же необычайнымъ ростомъ своего населенія, Россія призвана стать великой промышленной страной». Такъ писали почти наканунѣ великой войны извѣстный французскій экономистъ Эдмондъ Тэри *), командированный своимъ правительствомъ въ Россію для изученія на мѣстѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ русскимъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Наблюдавшійся имъ хозяйственный подъемъ страны, успѣвшей уже оправиться отъ послѣдствій несчастной русско-японской войны и революціоннаго броженія 1905—1906 г.г., казалось, вполне оправдывалъ его предсказаніе. Четыре прекрасныхъ урожая — 1909, 1910, 1912 и 1913 г.г., позволившіе за 5-тилѣтіе 1909—1913 г.г. вывезти хлѣба на 826,2 милліоновъ пудовъ больше, чѣмъ за предшествующее 5-тилѣтіе 1904—1909 г.г., и выручить за него круглымъ счетомъ на одинъ милліардъ семьдесятъ шесть милліоновъ рублей больше предшествовавшаго 5-тилѣтія, дали особенно рѣшительный и благотворный толчокъ всему русскому народному хозяйству и заложили прочный фундаментъ для дальнѣйшаго развитія русской промышленности и новаго промышленнаго строительства. При этомъ чрезвычайно характерно, что промышленное строительство, благодаря обилію и дешевизнѣ въ странѣ денегъ, *могло уже обходиться безъ помощи иностраннаго капитала*. И въ этомъ было отличіе эпохи предвоеннаго строительства отъ эпохи промышленнаго подъема 90-тыхъ годовъ, созданнаго почти исключительно приливомъ иностраннаго капитала. По подсчетамъ извѣстнаго финансоваго и банковскаго дѣятеля Эпштейна, за періодъ времени съ 1909 по 1913 годъ увеличеніе оборотныхъ средствъ русскаго народнаго хозяйства выразилось въ суммѣ 2 милліардовъ 238 милліоновъ рублей, такъ какъ «почти вся эта грандіозная сумма помѣщена въ активныхъ банковыхъ операціяхъ». Отмѣчая этотъ небывалый ростъ капиталовъ, Эпштейнъ указывалъ, что «вызвавшіе въ свое время полную революцію въ міровомъ народномъ хозяйствѣ калифорнійскіе и австралійскіе приски въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ своего открытія, а именно за 1851—1853 г.г., дали всего золота на 560 милліоновъ рублей, т. е. *въ четыре раза меньше роста нашихъ оборотныхъ средствъ въ 1909—1912 г.г.*»

Успѣхи промышленнаго развитія Россіи совсѣмъ не ограничивались увеличеніемъ количества производимыхъ продуктовъ. Рука объ руку съ этимъ увеличеніемъ шель и *технический прогрессъ* въ производствѣ. Промышленность «раціонализировалась», какъ принято теперь говорить. Это выража-

*) См. Edmond Théry. „La Transformation économique de la Russie“ Paris 1914, стр. 87.

лось въ увеличеніи мощности механическихъ двигателей, въ замѣнѣ паровыхъ двигателей тамъ, гдѣ это было возможно и выгодно, двигателями внутренняго сгорания или электрическими. въ быстромъ вытѣсненіи сварочнаго производства желѣза литымъ, бессемеровской стали мартеповской, сельфакторныхъ веретень въ текстильной промышленности ватерными и т. д. и т. д. Чтобы дать, хотя бы слабое, представленіе объ этомъ процессѣ, укажу на то, что общая мощность механическихъ двигателей въ русской промышленности (исключая горную, военные заводы и транспортъ) съ 853 тыс. лошадиныхъ силъ въ 1900 году дошла въ 1908 году до 1 милліона 206 тысячъ лошадиныхъ силъ, поднявшись такимъ образомъ за 8 лѣтъ почти на 50%. При этомъ на 1 промышленнаго рабочаго у насъ въ 1908 году приходилось 91.9 лошадиныхъ силъ, тогда какъ въ Германіи, значительно опередившей насъ въ своемъ промышленномъ развитіи, всего лишь 72.9 лошадиныхъ силъ.

Техническіе успѣхи нашей промышленности не могли, разумѣется, не отражаться и на *качество производства*. Столь популярная сейчасъ у большевиковъ и въ созданныхъ ими условіяхъ совершенно безнадежная «борьба за качество» велась и притомъ съ большимъ успѣхомъ, въ довоенное время. Не написана еще исторія русской промышленности, не разобраны еще богатые архивы прежнихъ русскихъ предпріятій, и Богъ знаетъ, коснется ли ихъ когда-нибудь рука изслѣдователя. Только воспоминанія да нѣкоторыя оглашенныя въ печати отрывочныя данныя позволяютъ возстановить картину этой «борьбы за качество», рѣзко измѣнявшей характеръ русскихъ товаровъ въ теченіе какихъ-нибудь полутора десятковъ лѣтъ и заставлявшей старую русскую поговорку — «не обманешь — не продашь». — считать уже пережиткомъ сѣдой старины. Огромную роль въ этомъ процессѣ игралъ такой щедрый, но и такой требовательный заказчикъ, какъ казна. Подъ вліяніемъ *казенныхъ заказовъ* совершествовались издѣлія крупныхъ металлургическихъ заводовъ, суконныхъ фабрикъ, кожевенныхъ заводовъ, улучшалась добыча и сортировка каменнаго угля и т. д. Но еще большее значеніе имѣлъ *крестьянскій рынокъ*, искавній, прежде всего, добротнаго, прочнаго товара, который могъ бы замѣнить не слишкомъ изящныя, но достаточно прочныя кустарныя издѣлія. Нашъ рядовой крестьянскій потребитель былъ еще слишкомъ бѣденъ для того, чтобы позволить себѣ роскошь покупать товары, хотя бы и дешевые, но не достаточно добротные. Каждая покупка представляла въ его жизни цѣлое событіе, къ которому онъ готовился съ чрезвычайной серьезностью и вдумчивостью. Это хорошо извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь соприкасался съ крестьянской жизнью. И это относилось не только къ товарамъ, предназначеннымъ для длительного употребленія, но и къ чисто потребительнымъ, какъ наиримѣръ, пищевымъ. И

наблюдать это отношеніе къ покупкѣ можно было не только у крестьянъ Европейской Россіи, но и на тѣхъ окраинныхъ рынкахъ, которые принято было считать колоніальными. Мнѣ лично пришлось однажды въ глуши Киргизской степи, на Ботовско-Куяндинской ярмаркѣ быть свидѣтелемъ процедуры покупки чая киргизами. Это была картина, реальности которой едва ли повѣрить западно-европейскій купецъ и покупатель. На тощій быстрой лошадеи прїѣзжаетъ на ярмарку уполномоченный аула, долго-долго присматривается въ лавкахъ къ товару, долго и упорно торгуется и, наконецъ, забравъ образцы чая, скачетъ съ ними, перѣдко за нѣсколько десятковъ верстъ, въ аулъ, чтобы тамъ, испробовавъ чай съ сородичами, рѣшить окончательно, на какомъ сортѣ его остановиться, или у какой фирмы его купить. И, рѣшивъ, скачетъ опять на ярмарку и производить, наконецъ, желанную покупку... Вотъ съ какого рода требовательными и разборчивыми потребителями приходилось имѣть дѣло русской довоенной промышленности и русской торговлѣ.

Завоевая съ такимъ трудомъ внутренній русскій рынокъ и вытѣсняя понемногу домашнее и кустарное производство, готовое всегда, при малѣйшемъ несоотвѣтствіи фабричныхъ издѣлій требованіямъ крестьянъ-потребителей, вытѣснить эти издѣлія съ завоеванныхъ ими позиціи, русская промышленность непрерывно совершенствовала свои издѣлія. Такъ еще съ 90-тыхъ годовъ непрерывно улучшалось производство Богородскихъ, Костромскихъ и Иваново-Вознесенскихъ текстильныхъ фабрикъ; такъ совершился мирный переворотъ въ кожевенномъ дѣлѣ, послѣ того, какъ кожевенные заводчики, выписавъ изъ Германіи патенты и машины, начали изготовлять исключительную по своимъ качествамъ кожу.

Гораздо меньшую роль въ процессѣ улучшенія качества русскихъ товаровъ игралъ *иностранный рынокъ*. На иностранный рынокъ шли преимущественно русское зерно, масло и сырье. И иностраннымъ экспортерамъ, закупившимъ эти товары на внутреннемъ русскомъ рынкѣ, сплошь и рядомъ даже выгодно было поддерживать худую славу русскихъ товаровъ, ибо она позволяла покупать ихъ дешевле и зарабатывать при этомъ на очисткѣ и сортировкѣ. Такъ поступали хлѣбоэкспортеры, закупившіе нашъ хлѣбъ на основѣ Германно-Нидерландскаго контракта со скидкой на сорность зерна выше средней, но безъ премій за чистоту его. Такъ дѣйствовали и датскіе экспортеры сибирскаго масла, пока не были вытѣснены со своихъ позицій Сибирскою маслослѣльной кооперацией, завязавшей, въ концѣ концовъ, непосредственныя торговыя связи съ импортирующими наше масло странами.

Впрочемъ и въ области заграничной нашей торговли за послѣднее передъ войной десятилѣтіе намѣтились серьезныя перемѣны, заставлявшія иностранные рынки подвергнуть пере-

смотрю вопросъ о качествѣ русскихъ товаровъ. Начала устанавливаться непосредственная связь русскаго сырьевого рынка съ мировымъ; въ связи съ этимъ замѣтно улучшалась сортировка русскихъ товаровъ; появились спеціальныя русскія марки, создавшія извѣстность русскимъ фирмамъ и т. д. Все это давало увѣренность, что и на международномъ рынкѣ русскіе товары скоро займутъ подобающее имъ мѣсто. —

Теперь отмѣчу тѣ изъ русскихъ товаровъ, качествомъ которыхъ мы могли особенно гордиться.

Укажу, прежде всего, на наше *текстильное производство* — льняное, хлопчато-бумажное, шерстяное, суконное, шелковое. Исключительная прочность, носкость, разнообразіе выдѣлки и рисунковъ — вотъ тѣ качества русскихъ текстильныхъ издѣлій, которыя мы теперь, познакомившись ближе съ заграничными фабрикатами, особенно можемъ оцѣнить. Впрочемъ, наши *льняныя ткани* давно уже получили заслуженную извѣстность и заграницей. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія русское *парусное полотно* считалось самымъ лучшимъ; и англійскіе купцы, по словамъ Тенгоборскаго, дабы удобнѣе ввести въ употребленіе въ Америкѣ ихъ собственныя издѣлія, поддѣлывали на своихъ парусныхъ полотнахъ знакъ русской фабрики Брюзгина ⁴⁾). Ярославскія холщевыя ткани пользовались до самой послѣдней поры извѣстностью не только въ самой Россіи, но и за границей и были даже премірованы на международныхъ выставкахъ. А намъ, русскимъ, хорошо, конечно, памятли тонкія льняныя ткани товарищества Сосинатра Сидорова, Локалова, Брунова, Зотовыхъ и многихъ другихъ фирмъ, о которыхъ только за недостаткомъ мѣста приходится здѣсь умолчать.

Менѣе извѣстны заграницей, но зато намъ самимъ хорошо извѣстны по своимъ качествамъ наши прежнія *хлопчато-бумажныя ткани* — особенно ситцы, Морозовскія ткани, Прохоровскія, Цинделевскія, Третьяковъ и Кошнина и проч. — всѣхъ не перечислишь — представляли собою товаръ такого высокаго качества, который на многихъ заграничныхъ рынкахъ, можно смѣло сказать, представляеть исключеніе. Качество нашихъ прежнихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій на рядѣ выставокъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей, получило высокую и вполне заслуженную оцѣнку. Наши хлопчато-бумажныя ткани находили большой спросъ на рынкахъ Монголіи, Китая и Персіи, особенно на этомъ послѣднемъ, къ требованіямъ котораго онѣ спеціально приспособлялись и на которомъ весьма успѣшно конкурировали съ англійскими фабрикатами.

Далѣе упомяну о *шерстяныхъ тканяхъ и сукнахъ* — Торнтоновскихъ, Четвериковскихъ, о *шелковыхъ тканяхъ* Брашнни-

⁴⁾ См. А. Семеновъ, «Изученіе историческихъ свѣдѣній о русской виѣшней торговлѣ и промышленности», ч. III, стр. 276.

на, Сапожникова и др. Покупая теперь за границей разнаго рода матеріи, не одинъ русскій, вѣроятно, со вздохомъ вспомнить всѣ эти прежнія русскія издѣлія, отличавшіяся необычайнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ, рисунковъ и отдѣлки...

А прочная, не знавшая износа, легкая, изящная и дешевая русская *обувь*, какъ ручной работы, такъ и механическаго производства фабрики «Скороходъ»? А *валеная обувь*, мягкіе валеные сапоги или, по сибирской терминологіи «чулки»? А чудесные бурковые сапоги?

И, наконецъ, чисто русское, хотя и на привозномъ сырѣ, производство *резиновыхъ галошъ*, исключительно добротныхъ. Галоши «Треугольника», «Проводника», «Богатыря», вырабатывавшіяся на этихъ трехъ заводахъ въ количествѣ до 41 милліона паръ въ годъ, — не имѣютъ за границей себѣ равныхъ.

Далѣе *чай*... Продуктъ ввозной, но благодаря искусной сортировкѣ, приспособлявшейся къ измѣчивому качеству урожаявъ чая, ко вкусамъ потребителей различныхъ районовъ и даже къ свойствамъ воды въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, ставшій *чисто отечественнымъ продуктомъ*. И притомъ, дѣйствительно, утонченнымъ по вкусу и дешевымъ продуктомъ, такъ какъ средней ходовой чай, стоившій номинально 1 р. 60 к. фунтъ, обходился потребителю, благодаря конкуренціи между чаеоторговцами, всего въ 1 р. 25 к. фунтъ. Это такъ называемые байховые чаи К. и С. Попова, Губкина и Кузнецова, «Караванъ», Высоцкаго и другихъ. А чрезвычайно портативные кирпичные чаи, находившіе особенно большой спросъ у киргизовъ - кочевниковъ, монголовъ? Выдѣлка этихъ чаевъ достигла въ Россіи такого совершенства, что они почти не уступали среднимъ сортамъ байховыхъ чаевъ...

Русское *кондитерское производство* стояло на такой высотѣ, что конкурировать съ нимъ было невозможно. Знатоки вопроса указываютъ на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ причинъ и объясненій этого обстоятельства: 1) природный національный *вкусъ*, который присущъ русскому человѣку не только въ высшихъ проявленіяхъ (искусство), но и въ элементарныхъ проявленіяхъ (качественныя особенности русскихъ кушаний, русскаго чая, русскаго табака); далѣе, 2) та же требовательность потребителя—хорошо разбиравшася въ товаръ и не любившаго себѣ отказывать; 3) отсутствіе суррогатовъ на внутреннемъ рынкѣ — лучшая мука, лучший сахаръ, дешевые миндаль и фистанка, привозившіеся съ юга; полная неизвѣстность маргарина; 4) ароматность ягодъ и плодовыхъ, выраставшихъ на почвѣ, невыпаханной и не испорченной искусственными удобрениями, въ климатѣ континентальномъ и интенсивномъ; 5) выписка изъ заграницы *лучшихъ* полупродуктовъ (какао!) и быстрое воспроизведеніе всѣхъ заграничныхъ рецептовъ и изобрѣтеній на *высшемъ* уровнѣ; и, наконецъ, 6) сравнительная дешевизна рабочихъ рукъ, позволявшая примѣнять

во многихъ утонченныхъ отрасляхъ *ручную*, а не механическую работу. Отсюда эти неподражаемыя достиженія фирмъ Эйнема, Сіу, Абрикосовыхъ, Крафта, Прохорова, Флей и другихъ, издѣлія которыхъ были много разъ премірованы на заграничныхъ выставкахъ и обложены тамъ ввозной пошлиной.

Въ связи съ этимъ надо отмѣтить русское *хлѣбопекарное производство*. Россія создала цѣлую своеобразную культуру чернаго и бѣлаго хлѣба, неизвѣстную въ другихъ странахъ. Выпеканіе чернаго хлѣба различныхъ видовъ — въ зависимости отъ сорта муки, отъ способа замѣшиванія, закваски, примѣсей и т. д., доведено было до высшаго мастерства. Русскій пшеничный хлѣбъ отличался исключительной пышностью и нѣжностью, какой нѣтъ въ западно-европейскомъ хлѣбѣ; это объясняется тѣмъ, что наша лучшая крупчатая мука, получаемая изъ такъ называемыхъ твердыхъ пшеницъ, неизвѣстныхъ на западѣ, содержитъ въ себѣ много клейковины, благодаря которой тѣсто отличается особой всхожестью, а выпекаемый хлѣбъ — рыхлостью. И здѣсь мы имѣли исключительное разнообразіе сортовъ и вкусовъ: вѣсовой пшеничный хлѣбъ, французская булка, калачъ, розанъ, подковка, дѣлянка, съ макомъ, съ солью, съ изюмомъ, безчисленные сорта плюшекъ, баранокъ, сухарей, шницелей, куличей, пироговъ съ начинкой, сладкихъ пирожковъ — все созданное русскимъ вкусомъ, русской изобрѣтательностью и традиціей.

Нельзя не упомянуть о русской культурѣ *горчицы* и *табака*. Европейская репутация русскихъ папирозъ достаточно извѣстна. Интересно отмѣтить, что крымскій листовой табакъ былъ настолько высокъ качествомъ, что онъ вывозился въ Египетъ (18^{1/2}% египетскаго табачнаго ввоза), гдѣ изъ него и выработывались прославленныя египетскія папирозы.

Россія выработывала великолѣпный *сахаръ* рафинадъ, одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Всегда стояла у насъ на высотѣ древняя культура выдѣлки, сортировки и храненія *мѣховъ*. Ставились наши *крымскіе виноградники* (Удѣльнаго Вѣдомства. Первущина, князя Голицына) и *вина*: Крымъ насчитывалъ до 800 сортовъ дивнаго винограда. И было бы совершенно несправедливо умолчать о нашей высокой культурѣ всевозможныхъ наливокъ, солений, моченій, вареній и смоквъ.

Особаго вниманія заслуживаютъ наши *кустарныя издѣлія*, отличавшіяся не только прочностью, но и изяществомъ вкуса: кто не помнитъ нашу кустарную парчу, кружево, вышивки, издѣлія изъ дерева, изъ камня, металла и уральскихъ самоцвѣтовъ?

И, умалчивая (за недостаткомъ мѣста) о многомъ другомъ, вспомнимъ только еще объ изумительномъ русскомъ *фарфорѣ* — Государственнаго фарфороваго завода и другихъ заводовъ, а также о работахъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ . . .

Но и этого краткаго перечня достаточно для того, чтобы сдѣлать надлежащій выводъ: качество русскаго производства крѣпко недооцѣнивалось нами до революціи; впоследствии оно будетъ восстановлено и послужить отправнымъ пунктомъ для грядущаго промышленнаго усовершенствованія и хозяйственнаго расцвѣта Россіи.

А. Мелкихъ.

V. ВЕЛИКІЙ СИБИРСКІЙ ПУТЬ.

Сибирь съ ея безграничнымъ пространствомъ (13 351 500 кв. километровъ), занимающимъ большую часть Россійской Имперіи, по скудно населеннымъ, съ ея разнообразными, неисчерпаемыми естественными богатствами — издавна привлекала къ себѣ вниманіе русскаго народа и русскаго правительства, какъ край, требующій колонизаціи и представляющій огромное поле для распространенія русской матеріальной и духовной культуры на востокъ. Главнѣйшимъ препятствіемъ къ достиженію этихъ цѣлей являлась отдаленность Сибири. трудность сообщенія и сношеній съ нею.

Поэтому, вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги въ Сибирь возникъ очень давно. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ графъ Муравьевъ - Амурскій, одинъ изъ энергичнѣйшихъ насадителей русской государственности на Дальнемъ Востокѣ, задумалъ соединить сперва колеснымъ, а затѣмъ рельсовымъ путемъ заливъ Де Кастри съ рѣкой Амуромъ. Въ то же время частными лицами (Дуль, Сафроновъ) разрабатывались проекты проведенія желѣзнодорожнаго пути черезъ всю Сибирь. Разработка подобныхъ проектовъ продолжалась и въ 60-ыхъ годахъ. Рашетъ, Богдановичъ и другіе стремились соединить бассейны Волги и Оби для пользы Уральской горнозаводской промышленности. Въ результатъ работъ цѣлаго ряда правительственныхъ комиссій воспослѣдовало Высочайше утвержденное положеніе отъ 19 декабря 1875 года, которымъ рѣшено было приступить къ сооруженію дороги до Тюмени. Однако, финансовыя затрудненія, повизна дѣла и техническія трудности воспрепятствовали проведенію въ жизнь намѣченнаго плана. Но вопросъ о Сибирской желѣзной дорогѣ не былъ все же снятъ съ очереди. Продолжались изысканія и разслѣдованія; работали комиссіи. Только въ царствованіе Императора Александра III суждено было осуществиться грандіозному сооруженію Великаго Сибирскаго Пути. 17-го марта 1891 года Высочайшимъ рескриптомъ на имя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича вопросъ о постройкѣ этого пути былъ рѣшенъ окончательно, а 19 мая того же года Наслѣдникъ Цесаревичъ,

возвращаясь изъ дальняго восточнаго путешествія, заложилъ во Владивостокъ первый камень новаго пути. Для общаго руководства дѣломъ постройки желѣзной дороги образованъ былъ особый комитетъ Сибирской жел. дороги во главѣ съ Паслѣдникомъ, сохранившимъ личное предѣдательство и по восшествіи на престолъ. Управленіе дѣлами этого комитета было поручено статсъ-секретарю А. Н. Куломзину, бывшему тогда управляющимъ дѣлами комитета министровъ, а дѣлопроизводство вѣдалось канцеляріей комитета министровъ.

Постройка велась очень быстро и 1-го января 1906 года *величайшее желѣзнодорожное сооруженіе міра* было закончено. Главныя части пути строились въ среднемъ по 586 верстѣ въ годъ, что составляетъ *предѣлъ скорости постройки*. До тѣхъ поръ самая быстрая постройка въ Россіи была 440 верстѣ въ году (Закавказская жел. дорога); однако, скорость постройки Сибирской жел. дороги была въ то время предѣльшой не только для Россіи, но и *во всемъ мірѣ*. Канадская-Тихоокеанская жел. дорога отъ Монреаля до Ванкувера длиною въ 4 690 верстѣ строилась ровню 10 лѣтъ, т. е. по 469 верстѣ въ годъ. На Канадской дорогѣ 40 туннелей и 5 большихъ мостовъ, что, конечно, очень замедляло и затрудняло постройку. Но и Сибирская дорога пересѣкаетъ 28 большихъ рѣкъ, при томъ такихъ, какъ Лена, Енисей, Иртышъ, Обь и т. д. Общая длина всѣхъ мостовъ Сибирской жел. дороги --- 45.5 верстѣ, при чемъ имѣется болѣе 8 верстѣ кесонныхъ мостовъ. Сибирскій Великій путь имѣетъ длину въ 5 649 верстѣ (не считая Китайской Восточной дороги — 1 389 верстѣ, линія Харбинъ—Манчжурія—Пограничная), и состоитъ изъ трехъ линій: 1) собственно Сибирская — 3 137 верстѣ, 2) Забайкальская — 1 679 верстѣ, и 3) Уссурійская — 830 верстѣ. Часть Сибирскаго пути — Кругобайкальская линія, длиною въ 190 верстѣ, по *качеству и трудности* работы превосходитъ все выстроенныя до сихъ поръ рельсовые пути. Трудность работъ состояла въ томъ, что они производились въ почти неприступныхъ мѣстностяхъ, по скалистымъ обрывамъ, нависшимъ надъ Байкальскимъ озеромъ и при очень суровомъ климатѣ. При томъ, сообщеніе по озеру было возможно лишь въ тихую погоду. На Кругобайкальской дорогѣ — 33 туннеля. Неудивительно, что постройка этой линіи производилась очень медленно и обошлась въ 212 430 рублей верста, въ то время какъ постройка всего Сибирскаго пути обошлась государству въ 385 милліоновъ, т. е. по 70 188 рублей верста. Съ окончаніемъ постройки Сибирскаго пути сталь возможенъ прямой проѣздъ безъ пересадки изъ Москвы во Владивостокъ, пространствомъ 8 122 версты, совершавшійся всего въ теченіе 12 сутокъ 13 часовъ (301 часъ) и стоявшій въ вагонѣ 2-го класса всего 169 рублей.

Значеніе постройки Великаго Сибирскаго пути для Сибири ярко иллюстрируется необыкновеннымъ ростомъ городовъ и

сель въ мѣстахъ, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ, такъ напр., число жителей:

	Въ 1897 г.	Въ 1910 г.
	составляло:	
Омска	37 400	129 700
Томска	51 200	111 400
Хабаровска	15 000	43 500
Владивостока	28 400	85 700
Читы	11 500	76 400

Не менѣ показательнымъ является возникновеніе и ростъ совершенно новыхъ городовъ и поселковъ, вызванныхъ къ жизни проведеніемъ желѣзной дороги. Таковы, напр., были въ 1910 году города, о существованіи которыхъ до проведенія пути въ 1897 году еще не подозрѣвали: Новониколаевскъ, на Оби, съ 63 600 жит., Никольскъ-Уссурійскъ — 34 600 жит., Татарскъ — 7 600 и др.

О томъ же значеніи для края Сибирскаго пути свидѣтельствуетъ и сильный ростъ перевозокъ. Въ 1904 году перевезено было пассажировъ 1 418 000, а въ 1909 г. — уже 4 314 000: грузовъ: въ 1904 г. — 152.4 милл. пудовъ, а въ 1909 г. — 215,7 пуд.

Такъ совершилось одно изъ величайшихъ завоеваній цивилизаціи и культуры, доселѣ извѣстныхъ міру.

А. Бунге.

VI. БОРЬБА СЪ ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦІЕЙ.

Есть законъ человѣческой природы и культуры, въ силу котораго *все великое можетъ быть сказано только по своему и все гениальное родится именно въ лонѣ національнаго опыта, духа и уклада*. Денаціонализуясь, человѣкъ теряетъ доступъ къ *глубочайшимъ колодцамъ духа* и къ *священнымъ огнямъ жизни*: ибо эти колодцы и эти огни всегда *національны*: въ нихъ заложены, въ нихъ живутъ цѣлые вѣка всенароднаго труда, страданія, созерпанія, молитвы и мысли. Изгнаніе обозначалось у римлянъ, какъ «воспрещеніе воды и огня». И дѣйствительно, человѣкъ, утратившій доступъ къ духовной водѣ и къ духовному огню своего народа — становится безроднымъ изгоемъ, беспочвеннымъ и безплоднымъ скитальцемъ по чужимъ духовнымъ дорогамъ, *обезличеннымъ интернационалистомъ*. Горе ему и его дѣтямъ: они становятся историческимъ пескомъ и мусоромъ.

Національное обезличеніе грозитъ русскимъ людямъ — и въ подъаремной Россіи и въ зарубежьи. И тамъ, и здѣсь мы должны всѣми силами беречь наши колодцы и огни.

«Національность». вообще говоря, опредѣляется не сознаниемъ и не произволомъ челоуѣка, а *укладомъ его безсознательнаго* и притомъ именно — его *безсознательной духовности*. Скажи мнѣ, какъ ты *върнешь* и *молишься*; какъ проявляются у тебя *доброта, геройство, чувство чести и долга*; какъ ты *поешь, пляшешь и читаешь стихи*; что ты называешь «*знать*» и «*понимать*»; какъ ты любишь свою *родину*; кто твои любимые *вожди, гении и пророки*, — скажи мнѣ все это. а я скажу тебѣ, какой націи ты сынъ; и все это зависитъ не отъ твоего сознательнаго произвола, а отъ духовнаго уклада твоего безсознательнаго.

А этотъ укладъ слагается, формируется и закрѣпляется (прежде всего и больше всего) *въ отъствѣ*. И воспитаніе дѣтей есть именно *пробужденіе ихъ безсознательнаго чувствилища къ національному духовному опыту*, укрѣпленіе въ немъ ихъ сердца, ихъ воли, ихъ воображенія и ихъ завѣтныхъ помысловъ.

Бороться съ угрожающимъ намъ національнымъ обезличеніемъ русскихъ дѣтей (и въ зарубежьи, и подъ совѣтскимъ ярмомъ) надо именно на этомъ пути: надо сдѣлать такъ, чтобы *въ прекрасные предметы, впервые пробуждающіе духъ ребенка* и вызывающіе въ немъ умиленіе, восхищеніе, преклоненіе, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушіе, жажду подвига, *волю къ качеству*, — *были національно-русскими*; и, далѣе: чтобы дѣти *молились* и *думали русскими словами*; чтобы они *почували* въ себѣ *кровь* и *духъ своихъ русскихъ предковъ* и приняла бы *любовью судьбу, путь и призваніе своего народа*; чтобы ихъ сердце и воля отзывались *трепетомъ* на дѣла и слова *русскихъ святыхъ, гениевъ, героевъ и вождей*. Получивъ въ дошкольномъ возрастѣ такой духовный зарядъ и имѣя возможность не покидать этого пути (хотя бы внутрененно. въ семьѣ), — наши дѣти, гдѣ бы они ни находились, развернутся въ настоящихъ и вѣрныхъ русскихъ людей.

1. Языкѣ. — Языкѣ уже вмѣщается въ себѣ таинственнымъ и сосредоточеннымъ образомъ всю душу, все прошлое, весь духовный укладъ и всѣ завѣтные помыслы народа. Все это ребенокъ долженъ получить вмѣстѣ съ молокомъ матери (буквально!). Особенно важно, чтобы *пробужденіе самосознанія* и *личностной памяти* у ребенка (обычно — на третьемъ-четвертомъ году жизни) происходило на его родномъ языкѣ. При этомъ важенъ не тотъ языкѣ, на которомъ говорятъ при немъ другіе, а тотъ языкѣ, на которомъ *обращаются къ нему*, заставляя его *выразить* на немъ его собственныя внутреннія состоянія. Поэтому въ зарубежьи, если невозможно имѣть русскую няню, — слѣдуетъ *воспретить* иностранной нянькѣ

разговоръ съ ребенкомъ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не научится говорить по-русски. Родители же и русскіе знакомые должны говорить съ ребенкомъ *только* по-русски; и притомъ чаще, больше и, по возможности, безъ всякой примѣси иностранныхъ словъ и совѣтскаго жаргона. Это относится и къ чтенію: пока ребенокъ не зачитаетъ бѣгло по-русски, не слѣдуетъ учить его *никакому* иностранному чтенію. Въ дальѣйшемъ же въ семьѣ долженъ царить *культъ родного языка*: вся семейная жизнь должна протекать по-русски; всякіе слѣды «волапука» должны строго изгоняться; очень важно ежедневное чтеніе вступъ классиковъ, по очереди, хотя бы понемногу; очень важно ознакомленіе съ церковно-славянскимъ языкомъ, хотя бы элементарно и въ чтеніи; существенны семейныя бесѣды о *преимуществахъ* русскаго языка — о его богатствѣ, благозвучіи, выразительности и т. д.

2. Пѣ с н я. — Ребенокъ долженъ слышать русскую пѣсню еще въ колыбели. Пѣніе принесетъ ему первый душевный *вдохъ* и первый духовный *стонъ*: они должны быть *русскими*. Пѣніе помогаетъ рожденію и изживанію чувства въ душѣ: оно превращаетъ пассивный, безпомощный и потому обычно тягостный *аффектъ* — въ активную, текучую, творческую *эмоцію*: ребенокъ долженъ безсознательно усвоивать *русскій строй чувствъ*. Пѣніе научить его *первому одухотворенію* душевнаго естества — *по-русски*; пѣніе дастъ ему первое *не животное* счастье — *по-русски*. Русская пѣснь глубока, какъ страданіе; искренна, какъ молитва; сладостна, какъ любовь и утѣшеніе; — въ наши черные дни, какъ подъ игомъ татаръ, она дастъ дѣтской душѣ исходъ изъ грозящаго каменія и озлобленія. Въ дальѣйшемъ необходимо добыть русскій пѣсенникъ и постоянно заселять дѣтскую душу русскими мелодіями, — наигрывая, напѣвая, заставляя подпѣвать и пѣть хоромъ. Всюду, гдѣ въ зарубежьи имѣется русская колонія, надо создать русскій хоръ — церковный и свѣтскій. Хоровое пѣніе *национализуетъ* и *организуетъ* жизнь.

3. Мо л и т в а. — Молитва есть страстная и сосредоточенная обращенность души къ Богу. Каждый народъ совершаетъ это обращеніе по свѣду; и только для поверхностнаго взгляда Православіе русскаго, грека, румына и американца — одинаково. Живое многогласіе и многохваленіе міра требуетъ, чтобы каждый народъ молился самобытно; и эту *самобытную молитву* надо вдохнуть ребенку съ первыхъ лѣтъ жизни. Молитва дастъ ему *духовное счастье*; пусть онъ переживетъ его *по-русски*. Молитва дастъ ему источникъ *духовной силы* — *русской* силы. Молитва научить его сосредоточивать чувство и волю на лучшемъ — *по-русски*. Молитва дастъ ему религиозный опытъ и поведетъ его къ религиозной очевидности — *по-русски*. Ребенокъ, научившійся молиться, самъ пойдетъ въ церковь и станетъ ея опорой, — *русской* опорой, *русской*

церкви. Онъ найдетъ пути — и въ глубину русской исторіи, и на просторъ русскаго возрожденія. Неправославный можетъ быть вѣрнымъ и доблестнымъ русскимъ гражданиномъ; но человѣкъ, безразличный къ Православію, или враждебный ему — врядъ ли найдетъ доступъ къ священнымъ тайникамъ русскаго духа и русскаго міропониманія.

4. Сказка. — Сказка будитъ и плѣняетъ мечту. Она даетъ ребенку первое *чувство героическаго* — чувство испытанія, опасности, призванія, усилія и достиженія; она учитъ его мужеству и побѣдѣ; она учитъ его созерцать *человѣческую судьбу*, сложность міра, отличіе добра и зла. Она заселяетъ его душу *національнымъ живомъ* — тѣмъ хоромъ образомъ, въ которомъ народъ созерцаетъ *себя* и свою *судьбу*, исторически глядя въ прошлое и пророчески глядя въ будущее. Въ сказкѣ народъ схоронилъ свое вождѣнное, свое вѣдѣніе и вѣдовство, свое страданіе, свой юморъ и свою мудрость.

Національное воспитаніе невозможно безъ національной сказки. Ребенокъ, никогда не мечтавшій въ сказкахъ своего народа — отрывается отъ него и вступаетъ на путь интернационализаціи. Приобщеніе же чужеземнымъ сказкамъ помимо родныхъ — ведетъ къ денационализаціи.

5. Житія святыхъ и героевъ. — Чѣмъ раньше и чѣмъ глубже воображеніе ребенка будетъ плѣнено живыми образами *національной святости* и *національной силы*, тѣмъ лучше для него. Образы *святости* — пробуждаютъ его *совѣсть*; а *русскость* святого — вызоветъ въ немъ чувство соучастія, приобщенности, отождествленія, дасть его сердцу и его волѣ радостную и гордую увѣренность, что «нашъ народъ оправдался передъ лицомъ Божиимъ», что алтари его святы и что онъ имѣетъ право на почетное мѣсто въ мировой исторіи («народная гордость»). Образы *героизма* — пробуждаютъ его великодушіе, его правосознаніе, его жажду подвига и служенія, терпѣнія и борьбы; а *русскость* героя (отъ Мономаха до Петра Великаго, отъ Ломоносова до Пушкина, отъ Суворова до Врангеля) — дасть ему непоколебимую вѣру въ силы своего народа. Все это есть школа національнаго характера.

Преклоненіе передъ святымъ и героемъ *возвышаетъ душу*: оно даетъ ей сразу — и смиреніе, и заданіе, и вѣрный путь, и чувство собственнаго достоинства. И такъ національный герой — ведетъ свой народъ и изъ-за гроба.

6. Поэзія. — Стихи имѣютъ магическую силу — они подчиняютъ душу, плѣняютъ ее гармоніей и ритмомъ, заставляютъ ее искать закона и формы. Какъ только ребенокъ начнетъ говорить и тѣмъ болѣе читать, такъ классическіе національные поэты должны дать ему *первую радость стиха* и постепенно раскрыть ему свои сокровища. Сначала пусть слушаетъ; потомъ пусть читаетъ самъ, учитъ наизусть, декламируетъ. Ни одинъ народъ не имѣетъ такой поэзіи, какъ рус-

ская: здѣсь мудрость облекается въ прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой. Русскій поэтъ — одновременно національный пророкъ и національный музыкантъ. И русскій человѣкъ, съ дѣтства влюбившійся въ русскій стихъ. — никогда не денационализуется.

7. Исторія. — Русскій ребенокъ долженъ съ самаго начала почувствовать и понять, что онъ *сынъ великаго народа*, съ величавой и трагической исторіей, съ великими страданіями и крушеніями, и съ еще болѣе великими достиженіями (срв. Письмо Пушкина къ Чаадаеву отъ 19 октября 1836 г.). Его національное самочувствіе должно быть ограждено отъ двухъ опасностей: отъ *націоналистическаго самоопынія*, и отъ *всеосмыивающаго самоуничженія*. Преподаватель исторіи не долженъ скрывать отъ ученика слабыхъ сторонъ національнаго характера; но въ то же время онъ долженъ указать ему всѣ источники національной силы и славы. Въ частности особенно ядовитъ тотъ тонъ разлитаго сарказма, который введенъ въ трактованіе русской исторіи Ключевскимъ. Этотъ тонъ несомнѣнно поколебалъ и разбѣлъ вѣрное національное самочувствіе въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ русской предреволюціонной интеллигенціи. Исторія учитъ *духовному преемству и сыновней вѣрности*; а историкъ, становясь между прошедшимъ и будущимъ своего народа, долженъ самъ любить его судьбу и его путь, и вѣрить въ его призваніе. Тогда онъ будетъ не только истиннымъ ученымъ, но и истиннымъ національнымъ воспитателемъ.

8. Армія. — Армія есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплотъ моей родины, воплощенная храбрость моего народа, организація служенія, самоотверженности и чести — вотъ чувство, которое должно быть передано ребенку его національнымъ воспитателемъ. Успѣхъ своей арміи онъ долженъ переживать какъ *свой* успѣхъ; его сердце должно сжиматься отъ ея неудачи; ея вожди должны быть его героями; ея знамена — его святынею. Сердце человѣка принадлежитъ тому дѣлу и той націи, чью армію онъ считаетъ *своею*. И въ этомъ отношеніи Россія переживаетъ нынѣ величайшій соблазнъ: ибо основная масса ея арміи служить *не* ея дѣлу; а то дѣлу, которому эта масса служить, есть дѣло погубленія и растлѣнія страны. Вотъ почему настоящая русская армія пребываетъ — *въ прошломъ, въ зарубежьи и въ будущемъ*.

9. Другія искусства. — Въ мѣру возрастанія и въ мѣру возможности надо открывать ребенку доступъ ко *всѣмъ* видамъ *національнаго искусства* — отъ архитектуры до живописи, отъ пляски до театра, отъ музыки до изящной литературы *). Тогда душа его всесторонне раскроется для воспрія-

*) Въ ближайшей книгѣ «Русскаго Колокола» редакція дастъ практическія указанія по имѣющейся въ зарубежннхъ литературѣ пособій.

тія того, что впервые дали ей русская пѣсня и русская поэзія. Понятно, что наиболѣе доступнымъ, наиболѣе увлекающимъ и непосредственно націонализирующимъ видомъ искусства останется русская пляска со всей ея свободой, ритмичностью и драматизмомъ. —

Русская душа даровита, разносторонняя, широка, гибка и переимчива. Въ этомъ ея даръ; но въ этомъ и ея опасность. Ее сторожить у дверей соблазна мнимой «всечеловѣчности» и дѣйствительнаго обезличенія. И потому ей необходима любовь и воля къ національной самобытности. Воспитаніе есть дѣло именно любви и воли; осторожнаго и органически - цѣлостнаго, но продуманнаго, планомѣрнаго и долгаго усилія.

И нынѣ Россія пуждается въ этомъ, какъ еще никогда.

Редакція.

VII. ЖИВЫЯ СЛОВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(ДЛЯ ПАМЯТИ).

1672 — 1725.

«Великій Петръ! Твой каждый слѣдъ
Для сердца Русскаго есть памятникъ
священный...»

Князь П. А. Вяземскій.

«Сынишка твой Петрушка, въ работѣ пребывающій».

(1689 г. Подпись на письмѣ къ матери, Паталіи Кирилловнѣ Нарышкиной).

«Азь бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую».

(1697 г. Надпись на печати, коею онъ запечатывалъ свои письма изъ-за границы).

«Весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему Государю правду; вотъ чему надо учиться у англичанъ!»

(1697 г. Послѣ посѣщенія инкогнито англійской Палаты Лордовъ).

«Коли они таковы, то пусть вѣруютъ, какъ хотятъ; надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ. Если нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то не пособить ни огонь, ни мечъ, а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государству пользы не будетъ...»

(О купцахъ-раскольникахъ, — узнавъ, что они честны и прилежны).

«Побѣды отъ Бога, но мы должны употреблять всѣ силы, чтобы ихъ получить. Я взялъ тебя въ походъ, показать тебѣ, что я не боюсь ни трудовъ, ни опасностей; ты долженъ слѣдовать моему примѣру, долженъ любить все, что служить ко благу и чести отечества и не падать трудовъ. Если совѣты мои разнесеть вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ и буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя въ этой и въ будущей жизни».

(1704 г. Сыну, Царевичу Алексѣю Петровичу, при взятіи Нарвы).

«Чего боитесь? !.. Царя везете!.. Съ нами Богъ!!..»

(Растерявшись лодочникамъ во время морской бури)

«Пришель часъ, когда рѣшнется судьба отечества. Вы не должны думать, что сражаетесь за Петра, а за государство. Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за вѣру нашу православную и за церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи».

(1709 г. Изъ приказа передъ Полтавской битвой).

«Если случится послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ Государемъ и ничего не исполнять, что мною хотя бы то собственноручнымъ повелѣніемъ будетъ требуемо, пока я самъ не явлюсь между вами. Если же я погибну, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

(1711 г. Изъ письма къ Сенату, въ предвидѣніи возможнаго турецкаго плѣна на Прутъ).

«За здравіе тѣхъ, кто любитъ Бога, меня и отечество!..»

(Изъ застольныхъ тостовъ Петра Великаго).

«Я заѣзжаю къ тебѣ не затѣмъ, чтобы тебя беспокоить! Такъ не въ чемъ тебѣ и извиняться...»

(Слова, сказанныя при посѣщеніи шелковой фабрики Полуярославецкаго — хозяину, который не зналъ о прибытіи Царя, проспалъ и прибѣжалъ извиняться).

«Къ чему уничижать званіе, безобразить достоинство человѣческое? Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — таковъ почетъ, подобающій Царю...»

(Слова, сказанныя при запрещеніи писаться въ обращеніи къ Царю уничижительными именами, падать передъ Царемъ на колѣни и снимать зимою шапки передъ дворцомъ. По тѣмъ же соображеніямъ Петръ Великій въ Воинскомъ Уставѣ запретилъ бить солдата).

«За мое отечество и людей моихъ я живота своего не жалѣю и не жалѣю; какъ могу тебя, непотребнаго, пожалѣть?»

Ты ненавидишь дѣла мои, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю.»

(1715 г. Царевичу Алексию Петровичу).

«Хотя что добро, и надобно, а *новое* дѣло. — то наши люди безъ принужденія не сдѣлають . . .»

(При насажденіи новыхъ отраслей промышленности).

«Въ твоёмъ порицаніи дѣлъ моего отца и въ похвалѣ моимъ — больше брани на меня. чѣмъ я могу стерпѣть . . .»

(1717 г. Ответъ Мусину-Пушкину).

«Вотъ ты больше всѣхъ меня бранишь и такъ больно досаждаешь мнѣ своими спорами, что я часто едва не теряю терпѣнія; а какъ разсужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь, и правду говоришь, за что я внутренно тебѣ благодаренъ.»

(1717 г. Ответъ князю Я. Ѳ. Долгорукому).

«Попееже иного дѣла не имѣете, точію одно правленіе, которое, ежели неосмотрительно будете дѣлать, то предъ Богомъ, а потомъ и здѣшняго суда не избѣжите.»

(1717 г. Изъ письма къ сенаторамъ съ выговоромъ за безпорядки въ управленіи).

«Знаю, что меня считаютъ тираномъ. Иностранцы говорятъ, что я повелѣваю рабами. Это неправда: не знаютъ всѣхъ обстоятельствъ. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Эти указы содержатъ въ себѣ пользу, а не вредъ государству. Надобно знать, какъ управлять народомъ. Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Честный и разумный человекъ, усмотрѣвшій что-либо вредное или придумавшій что-либо полезное, можетъ говорить мнѣ прямо безъ боязни. Вы сами тому свидѣтели. Полезное я радъ слушать и отъ послѣдняго подданнаго. Доступъ ко мнѣ свободенъ, лишь бы не отнимали у меня времени бездѣльемъ. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Певѣ жество и упрямство всегда ополчались на меня съ той поры, какъ задумалъ я ввести полезныя перемѣны и исправить грубыя права. Вотъ кто настоящіе тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямыхъ, смягчая дубовыя сердца; не жестокосердствую, пересдѣвая подданныхъ въ новое платье, заводя порядокъ въ войскѣ и въ гражданствѣ, и приучая къ людскости; не тиранствую, когда правосудіе осуждаетъ злодѣя на смерть. Пускай злость клевететь. — совѣсть моя чиста. Богъ мнѣ Судія! Неправые толки въ свѣтъ разносить вѣтеръ . . .»

(Изъ частной бесты).

«По мнѣ будь крещенъ или обрѣзанъ — едино, лишь будь добрый человекъ и знай дѣло».

(Изъ собственноручныхъ записей).

«Едва ли кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ несносенъ: она была глупа. Сынъ меня ненавидитъ: онъ упрямъ».

(1718 г. Во время слѣдствія надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ).

«Надлежитъ Бога благодарить всѣми силами, но надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, а стараться обобщей пользѣ, дабы народъ получилъ облегченіе».

(1721 г. Изъ рѣчи Сенату послѣ заключенія побѣдоноснаго Ништадскаго мира со шведами).

«Нашъ народъ — яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, пока не приневолены будутъ: которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарять, что явно изъ всѣхъ пынѣшнихъ дѣлъ. Не все-ль неволею сдѣлано? А ужъ за многое благодареніе слышится!»

(Изъ Указа 1723 года).

«Лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить».

(Изъ закона о судебномъ процессѣ).

«Намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны повернуться задомъ».

(Слова, записанныя Остерманомъ).

«Руби все до тла!»

(1724 г. Ответъ оберъ-фискалу Мякинину, докладывавшему дѣла о казнокрадствѣ и спросившему: «обрубать ли только сучья, или подложить топоръ на самые корни?»).

«Сіе едино жажду мою утолить; сіе едино услаждаетъ меня!»

(1725 г. Предсмертныя слова, сказанныя пересохшимъ языкомъ, передъ послѣднимъ причащеніемъ Св. Таинъ).

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. О Героѣ. Редакторъ	Стр. 3
2. Великіе строители Россіи. 3. Преподобный Сергій Радо- нежскій. И. И. Ланно	8
3. Идея обновленнаго разума. П. А. Ильинъ	18
4. Русская Держава. П. Н. Красновъ	27
5. Русская колонизація. Б. А. Никольскій	37
6. Старческіе завѣты. Графъ Г. А. Шереметевъ	47
<hr/>	
I. Русская организационная способность. Старый Поли- тикъ	53
II. Русская вооруженная сила въ 1914 году. Н. Н. Голо- винъ	57
III. Россійское коннозаводство до революціи Князь П. Б. Щербатовъ	60
IV. О качествѣ русскаго довоеннаго производства. А. М. Мелкихъ	63
V. Великій Сибирскій Путь. А. Бунге	70
VI. Борьба съ денационализацией. Редакція	72
VII. Живыя слова Петра Великаго	77

Русскій Колоколь.

Журналъ волевой идеи.

КНИГА ПЕРВАЯ:

Редакторъ — Русскій Колоколь. *И. А. Ильинъ* — О священномъ. *И. С. Шмелевъ* — Какъ намъ быть. *И. А. Ильинъ* — Наша государственная задача. *Прибывшій оттуда* — Мы требуемъ пониманія. *Лоллий Львовъ* — Безстрашные люди. *Старый Политикъ* — О политической работѣ.

Отъ редакціи. *С. С. Ольденбургъ* — Россія передъ революціей. *А. Бунге*. *И. Ильинъ* — Русская территория 1914—1927. Населеніе Россіи 1897—1914—1927. *Старый Политикъ* — Какъ хранить тайну. *И. А. Ильинъ* — Девизы блага движенія.

КНИГА ВТОРАЯ:

Редакторъ — О русской интеллигенци. *Г. Г. Базъ* — Лицомъ къ Россіи. *И. А. Ильинъ* — Кризисъ современнаго искусства. *И. А. Ильинъ* — Вы наши братья. *И. И. Лаппо* — Великіе строители Россіи. 1. Митрополитъ Макарій. *Православный* — Православіе и государственность. *Н. А. Пуриковъ* — Паеось героизма и идеи современности. *В. Ф. Гефдингъ* — Живой опытъ коммунизма.

Редакція — Историческое бремя Россіи. *Б. А. Никольскій* — Русская эмиграція въ цифрахъ. *И. А. Ильинъ* — О признаніи совѣтской власти. *Для памяти* — О сопротивленіи злу силой.

КНИГА ТРЕТЬЯ:

Редакторъ — Побѣдить правое дѣло. *П. Н. Красновъ* — Армія. *И. А. Ильинъ* — Будущее русскаго крестьянства. *Н. Н. Ильина* — Аріонъ Пушкина. *Н. С. Арсеневъ* — Борьба за душу русскаго народа. *И. И. Лаппо* — Великіе строители Россіи. 2. Московскіе князья собиратели. *В. И. Рябушинскій* — Судьба русскаго хозяина. *И. А. Ильинъ* — О русскомъ фашизмѣ.

Б. А. Никольскій — Войны Россіи. *В. Ф. Гефдингъ* — Россія въ мировомъ хозяйствѣ прежде и теперь. *И. А. Ильинъ* — Ядъ партійности. *Старый Политикъ* — О политической провокаціи. *Для памяти* — О борьбѣ и смерти.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ:

Редакторъ — Спасеніе въ качествѣ. *П. Н. Красновъ* — Казаки, ихъ прошлое, настоящее и возможное будущее. *И. А. Ильинъ* — О власти и смерти. *В. А. Косинскій* — Очерки по русскому аграрному вопросу. 1. О русскомъ малоземеліи. *Г. Г. Базъ* — Къ разумнѣію нашего времени. *Н. А. Пуриковъ* — О поклоненіи фактамъ. *Странникъ* — Коммунистическій заговоръ тысяча лѣтъ тому назадъ. *Старый Политикъ* — Уроки революціи.

Редакція — Силы, мировой революціи. 1. Европейскій пролетеріатъ. *Б. А. Никольскій* — Русскій народный учитель. *В. Ф. Гефдингъ* — Что дала революція русскому рабочему. *Старый Политикъ* — Тюремное заключеніе. *Для памяти* — Революція и выходъ изъ нея. *Отвѣты редакціи*.

Изданія Акц.-О-ва Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“
Рига, Б. Кузнечная 43

„ П Е Р Е З В О Н Ы “

№ 39 посвящ. „Отечественной войнѣ“ (4 цвѣтн. репрод., 65 одноцв.)
№№ 1-8 за 1925 г. — 1,5 долл.
№№ 9-26 за 1926 г. — 4,5 долл.
№№ 27-39 за 1927 г. — 3 долл.

Вышелъ № 40-й

посвящ. И. Я. Билибину

Въ номеръ — г. г. Д. Гребенщиковъ, Бор. Зайцевъ, Н. М. Мишевъ, Любовь Столица, Леонидъ Тульпе и И. Умовъ.

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 25-й.

Основана **А. С. Суворинымъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БЪЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и освободительной борьбы

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

ПЕТРА СТРУВЕ.

Редакція и контора:

12, Rue Royer-Collard, Paris (5)

Tel. Gobelins 6595

Цѣна отд. номера во Франціи 1 франкъ, въ Германіи 30 пф.

Изданіе Акц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ
Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центов.

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„**В Ъ С Т Н И К Ъ**“

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія За Рубежомъ

Парижъ, 10, **Vld. Montparnasse (15-e)**

Цѣна 3 фр. Третій годъ изданія.

Продажа въ русскихъ книжныхъ магазинахъ. Печатаются статьи духовнаго содержанія, особенное вниманіе обращено на антирелигіозную борьбу въ Совѣтск. Россіи и на отношеніе къ вѣрѣ русской молодежи.

БѢЛОЕ ДѢЛО

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ
подъ спеціальной редакціей *А. А. фонъ-Лампе.*

Вышли книги I, II, III и IV. Цѣна вышедшихъ книгъ по 1 долл. 75 цент.

Книги V и VI, которыя выйдутъ въ июль—августъ с г. по содержанію своему не будутъ раздѣлены, подобно книгамъ I—IV, на отдѣлы соотвѣтствующіе всѣмъ фронтамъ борьбы, а будутъ представлены исключительно Южному Фронту и въ нихъ будутъ помѣщены только

Записки Генерала П. Н. Врангеля.

При редакціи открытъ сборъ матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ жизни и дѣятельности Генерала П. Н. Врангеля, для выпуска впослѣдствіи особаго сборника посвященнаго его памяти.

Для выписывающихъ непосредственно изъ главнаго склада комплектъ изъ первыхъ четырехъ книгъ установлена скидка въ 25⁰/₁₀₀.

Р е д а к ц і я : Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43 IV
Главный складъ: „Grad Kitesch“, Berlin W62, Kleiststr. 21

Книгоиздательство „Мѣдный Всадникъ“

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56 IV.
A. BUNGE.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:

въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

въ Варшавѣ черезъ книжный магазинъ Добро
Krakowskie przedmieście 53;

для Дальняго Востока представителемъ является
И. А. Глѣбовъ. Харбинь-Модягоу.
Черноморская ул. 31.

Цена книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter

Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Redaktion:

Berlin W 50, Augsburgers Straße 56^{IV}

Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“

Inhaber: I. Iljin.

Buchdruckerei Sieburg u. Co., Berlin SW 68